

Бабочка маркизы Помпадур

Автор:

[Екатерина Лесина](#)

Бабочка маркизы Помпадур

Екатерина Лесина

Артефакт-детектив

Изящная золотая брошь, выполненная в виде бабочки, способна на многое: она может исполнить любое желание своей хозяйки. Благодаря ей ничем не примечательная Жанна-Антуанетта Пуассон превратилась в маркизу де Помпадур, женщину, сумевшую завладеть непостоянным сердцем короля на долгие годы... Эта же бабочка изменила жизнь Киры. Вчерашняя нищенка и попрошайка стала роковой женщиной, перед очарованием которой не способен устоять ни один мужчина. Но незадолго до своей свадьбы Кира исчезла, а бабочка-брошь осталась. И Алине, удивительно похожей на Киру, предлагают занять место беглянки. Ведь Алексей не готов смириться с исчезновением невесты. Он не верит, что Кира ушла сама и что она жива, но знает – убийца не устоит перед новой невестой. Да и живые бабочки, присланные в качестве свадебного подарка, лучшее тому подтверждение...

Екатерина Лесина

Бабочка маркизы Помпадур

Пролог

Золотая бабочка запуталась в волосах. Высветленные пряди рассыпались по подушке, и человек подумал, что так даже лучше.

Мертвая – она спокойна.

Бабочку он снял, аккуратно освобождая из волосяных тенет, и на черной коже перчатки заколка выделялась ярким пятном. Бедная мертвая бабочка...

Ее человек вернет.

Позже.

Он спрятал ее в жестяную коробку, которую носил с собой скорее по привычке, чем из необходимости. В коробке еще оставались ментоловые леденцы, и к вечеру бабочка пропахнет мятой. Но запах этот выветрится раньше, чем аромат ее духов. Тяжелые, они пропитали эмалевый узор крылышек и сам металл. И куртку человека тоже.

Ей нравилось метить свои вещи, хотя бы запахом.

Чертова кошка.

Мертва. А выглядит так, будто заснула. И человек прижал пальцы к шее, убеждаясь, что пульс отсутствует. В ее пустых глазах отражалась комната: желтые шторы, белый потолок и длинный светильник с соломенным абажуром, чем-то похожий на журавля в шляпе. Она любила необычные вещи.

Понимание пришло с ужасом.

Мертва!

Совсем мертва. Бесповоротно. Всегда дразнила, уходила, но возвращалась, даря милость поцелуя. И порой позволяла больше.

– Ты же понимаешь, – говорила она, глядя в глаза. – Это лишь игра такая...

Или не говорила, но смотрела. Человек понимал ее так же хорошо, как себя. Лучше, чем себя.

Он опустился на колени перед кроватью и, закрыв лицо руками, заплакал. Слез не было, но сдавленные рыдания сотрясали его тело.

- Прости, прости...

Он не представлял, как будет теперь жить. Без нее? Он не умеет. И не желает учиться.

Хлопнула дверь, и раздались шаги.

- Дорогая, ты где? Я вот... - незваный гость вошел в комнату и застыл на пороге. Какое же глупое у него выражение лица. И что она нашла в нем? Что она находила во всех этих сволочах, которые тянулись к ней, желая одного - владеть ею единолично. А она принадлежала человеку и только ему. Обещала ведь.

Он заставил ее сдержать обещание.

- Кто ты такой? - мужчина держал в руках алые розы и пакет, из которого выглядывала бутылка.

Человек неловко поднялся, он открыл было рот, желая высказать все, что думает, но понял: никому это не интересно. И просто поднял пистолет. Дважды нажав на спусковой крючок, он зажмурился от громкого звука, но заставил себя выстрелить и в третий раз, прижимая ствол к льняному пиджаку.

Крови было на удивление немного. И вид ее отрезвил.

Кару не вернуть, но... у него получится жить дальше. Если, конечно, его не поймают. А для этого человек должен сделать так, чтобы эту парочку не искали. Они сами позаботились об уединении, человек же сделает остальное.

Он аккуратно упаковал вещи, не забыв паспорта. Тела перетащил в багажник - это отняло много сил, но расчленять человек не решился. Ему претил не столько

вид крови, сколько необходимость изуродовать Кару, пусть бы и мертвую. Может, хотя бы теперь она упокоится с миром.

Упокоится навсегда в старом колодце заброшенной деревни, которую он проезжал, когда гнался за призраком Кары. Ведь хотел просто поговорить, объясниться... он не собирался никого убивать.

Конечно, не собирался. Он умолял ее вернуться, а она смеялась.

Довела!

Сама во всем виновата. Слишком долго испытывала любовь на прочность. И вот чем все закончилось.

Свалив трупы, человек отправил в колодец и чемоданы. Перегнувшись через край, он долго вглядывался в темноту, но не видел ничего. Хорошо. Здесь ее не найдут. А что сбежала... Кара всегда сбегала. Вернувшись в дом, человек старательно замыл кровавое пятно, заправил кровать – белье не перестилал, пусть тот, кто пойдет по следу Кары, убедится, что в этом доме она была, и не одна.

Вино открыл, выплеснув часть в умывальник.

Два бокала. Цветы.

Тот, другой, наивно полагавший, что удержит Кару, не будет разочарован. А гнев его послужит хорошим мотивом для обвинения в убийстве. Если, конечно, тела найдут...

Вернувшись домой, человек достанет золотую бабочку из плена коробки и будет долго любоваться ею. До рези в глазах, до голоса в голове.

– Думаешь, избавился от меня? – Кара всегда говорила насмешливо, выпячивая нижнюю губу, точно собираясь плюнуть в собеседника.

– Я тебя убил.

– Нет. Тебе так только кажется.

– Ты мертва.

– Посмотрим, – она засмеялась тем особенным хрипловатым смехом, который прежде сводил человека с ума. – Мертвые иногда возвращаются.

Он отбросил бабочку, и та упала на ковер. Желтое пятнышко на алом. Золото на крови.

Надо ее отправить Лехе. Пусть гадают, что значит этот подарок.

1721 год. Франция

Дитя родилось некрасивым.

Мать его, Луиза Мадлен, долго и с удивлением разглядывала младенца, пытаясь найти хоть что-то, что вызвало бы в ее сердце трепет, перерождающийся в любовь. Однако сердце стучало ровно, а в душе появлялась лишь брезгливость.

Девочка была невелика, красна, что, по уверениям повитухи, было обыкновенно для младенцев, и нервозна. Она дергала ручонками, шевелила крошечными ножками, будто бы желая сбежать из холодных материнских рук. Сморщенное личико не имело никакого осмысленного выражения, хотя Луизу Мадлен уверяли, будто бы дети, в мир приходящие, все ангелы.

От этой, пусть бы и омытой, пахло кровью, и Луиза Мадлен живо вспомнила испытанные при родах муки, дав себе слово, что никогда более не подвергнет себя подобному испытанию.

– Найдите ей кормилицу, – она вернула младенца повитухе, испытывая лишь облегчение оттого, что ей нет нужды возиться с этим существом.

За прошедшие годы благосостояние ее супруга, Франсуа Пуассона, некогда служившего обыкновенным лакеем и взятого в мужья исключительно ради того, чтобы числиться замужней дамой, улучшилось. Во многом произошло это благодаря стараниям Луизы. Она точно знала цену собственной красоте, а также мужским желаниям, которым можно было пойти навстречу в обмен на некие услуги.

С рождения отличаясь твердым характером и неженским умом, Луиза Мадлен оставалась равнодушна к красивым речам, стихам – находились безумцы, полагавшие, будто пара рифмованных строк способна растопить ее сердце – и дешевым дарам. Она предпочитала вещи куда более земные, здраво полагая, что молодость и красота отнюдь не вечны.

Не способная к любви, она не испытывала душевных терзаний по поводу измен, но радовалась лишь тому, как удачно складывается карьера мужа. Будучи человеком тихим и где-то робким, Франсуа всегда и во всем слушался супругу. Нет, она не принуждала его скандалами либо иными чисто женскими способами, каковых было великое множество, от шантажа до слез и уговоров. Луиза знала, что муж свято верит в ее ум и талант, а также в то, что должен благодарить Господа, ниспославшего ему такую замечательную женщину. И в награду за послушание он постепенно превращался в человека солидного, степенного, обладающего небольшим капиталом и, главное, состоящего при дворе поставщиком провиантского ведомства, что позволяло этому капиталу прирастать год от года.

Он обзавелся лысиной и брюшком, внушавшим каждому, что вот идет достойный господин, чья жизнь спокойна, размеренна и будет таковой до самой его смерти.

Впрочем, в последнее время появились у Луизы некоторые подозрения. И не будь она столь утомлена беременностью – а та протекала тяжело, – то всенепременно занялась бы делами мужа.

Он объявился под вечер, хотя Луиза велела послать к нему мальчишку с запиской, где говорилось, что Франсуа наконец-то стал счастливым отцом.

– Где ты был? – строго спросила Луиза Мадлен, когда супруг все ж явился. Разрешившись от бремени, она словно бы скинула тяжкий груз, из-за которого три последних месяца вынуждена была провести в постели, мучаясь тошнотой,

мигренями и отеками. Постоянное недомогание ослабляло ее, делая ко всему некрасивой.

Повитуха еще тогда предсказала девочку, мол, они крадут у матерей красоту.

И пожалуй, именно в тот момент Луиза Мадлен поняла, что не сможет полюбить дочь. Однако сейчас младенец был в детской, а муж лепетал нечто невнятное о делах и сделках...

Что он смыслит в делах?

И уж тем более в сделках?

Пахло от него дешевым вином и женщинами, тоже, впрочем, дешевыми.

– Что-то я не вижу, чтобы ты был рад рождению дочери, – сказала Луиза Мадлен. – Меж тем Жанна-Антуанетта – очаровательное дитя. Тебе следует взглянуть на нее.

– Я взглянул, дорогая моя. И уверен, что ты уже обрадовала ее отца.

Он был чересчур дерзок, чтобы списать это лишь на вино. Следовательно, случилось что-то такое, что перечеркнуло всю жизнь Франсуа, вынудив его сказать то, о чем он думал давно.

– Ты меня обвиняешь? – Луиза испытала лишь удивление: неужели этот слабый человек решился выйти из-под ее опеки. И на что он рассчитывает?

– Я от всего сердца желаю тебе счастья... и вашей дочери тоже.

– И что ты собираешься делать?

Луиза знала, что один он не способен ни на что, и хотела было ответить, что без ее поддержки Франсуа вскоре вновь станет лакеем, если не хуже того.

– Я встретил женщину, которую люблю всем сердцем. Тебе этого не понять! Ты холодна что телом, что душой. Уж не знаю, что в тебе находят другие, однако я устал. Она же скрасила мое одиночество, отогрела...

Франсуа покраснелся от собственных речей, особенно нос и вяловатый подбородок, под которым прятались еще два подбородка. Он говорил громко, размахивая левой рукой, точно отгоняя те возражения, которые могла бы выдвинуть Луиза Мадлен. Она же силилась понять: неужели найдется такая безумная женщина, которая захочет взять себе вот этого никчемного мужчину? И лишь по зову сердца? Если так, то Луиза была рада своей неспособности любить.

Тем же вечером Франсуа покинет дом, забрав с собой и все деньги, которые только сумеет найти, а также батистовые сорочки, платок с кружевами, серебряные ложечки и совершенно новую шляпку Луизы, подаренную, между прочим, не им.

И совсем немного времени пройдет, прежде чем Луиза Мадлен убедится в верности собственных предположений. Кем бы ни была та, другая женщина, которую столь рьяно нахваливал глупый Франсуа, но двигала ею отнюдь не любовь. Он же, беспечный мотылек, бросил к ногам красавицы – Луизе хотелось думать, что та, другая, все же обладала красотой или хотя бы приятной внешностью, – и свой капитал, и жизнь, и все перспективы. Он проворовался, наделал долгов и не нашел ничего лучше, чем сбежать, оставив жену и новорожденную дочь беззащитными.

Вернее, оставил бы, будь Луиза несколько иного характера.

После ухода мужа она, найдя в себе силы подняться с постели, лично написала письмо другому человеку, опека и поддержка которого помогали пережить тяжелые месяцы беременности. Луиза несколько сомневалась, захочет ли этот человек ее видеть: в последние недели он вовсе не баловал Луизу вниманием. Однако ей повезло.

Норман де Турнем, финансист, куда более удачливый и осторожный, нежели Франсуа, появился ночью. Он пришел один и долго, внимательно разглядывал новорожденное дитя, выискивая в ней собственные черты. Луиза, ради этой встречи преодолевшая брезгливость и взявшая младенца на руки, терпеливо

ждала.

– Она не будет такой красавицей, как ты, – произнес Норман. И эти слова наполнили сердце Луизы теплотой. Пожалуй, если бы и был во Франции, да и во всем мире человек, которого она способна была бы полюбить, то им являлся Норман.

Первая их встреча, случившаяся около двух лет тому назад, мало напоминала встречи с иными мужчинами. Луиза Мадлен удостоилась беглого взгляда и насмешливо приподнятой брови. Сама же она, забыв об обычных уловках, ответила тоже взглядом, прямым и жестким.

Норман де Турнем кивнул.

Луиза отвернулась.

Он сам нашел ее и обратился так:

– Мадам, я много слышал о вашей несравненной красоте, но эти слухи оказались преувеличением. Мне встречались и куда более прекрасные дамы. Однако я ничего не слышал о вашем характере.

– Характер – не то, что делает честь женщине.

– Честь женщины – весьма неустойчивое понятие. И чем дольше я живу, тем больше в этом убеждаюсь. Скажите, мадам, что привлекает вас в мужчинах?

– Деньги, – честно ответила Луиза Мадлен и, поведя очаровательной белизны плечом, на котором чернела бархатная мушка, добавила: – И возможности.

– Вы откровенны.

– Как и вы.

Она разглядывала этого невысокого и невзрачного мужчину, одевавшегося просто, если не сказать – бедно. Его лицо было грубо, а взгляд – холоден. Но именно холод заставил сердце Луизы чуть-чуть вздрогнуть. Ее саму так еще

никогда не оценивали.

- У меня есть и деньги, и возможности. Я хотел бы заключить сделку.

Он выдвинул хорошие условия, но Луиза Мадлен все равно торговалась, поскольку чувствовала, что именно это необходимо Норману. И тот остался доволен.

Их сделка, пожалуй, оказалась самой большой удачей для Луизы. Норман не был скуп, скорее рачителен, и это качество лишь увеличивало симпатию к нему. Его расчетливость, предусмотрительность, уравновешенность и умение в любой ситуации сохранять лицо были близки и понятны. Пожалуй, надели его Всевышний красотой, Луиза сказала бы, что встретила себя, но в мужском обличье. Но красотой Норман не обладал, да и в постели был скучен.

Отказывая Луизе в праве на других любовников, он не протестовал против исполнения ею супружеского долга, и потому внезапная беременность поставила Луизу в неловкое положение.

Теперь, ожидая решения Нормана, Луиза Мадлен кляла себя за то, что не переехала к нему на содержание. Тогда ей казалось, что нельзя расставаться с мужем, в которого вложено столько времени и сил. А вышло, что муж, не имея ни капли благодарности в сердце, расстался с Луизой.

- Пожалуй, она столь же некрасива, как и я, - сказал Норман и взял младенца на руки. Девочка не плакала, но разглядывала отца большими холодными глазами. - Жаль. Красота - оружие в руках женщины. Но будем надеяться, что Господь наделил ее моим разумом... или вашим.

Это была первая похвала, которой удостоилась Луиза.

- Как вы назвали дитя? - Норман передал девочку матери.

- Жанна-Антуанетта. Если вы не возражаете.

- Не возражаю. Но надеюсь, что теперь вы примете мою опеку.

Луиза согласилась: да и что она могла сделать теперь? Ее благополучие внезапно оказалось в крошечных ручонках новорожденной дочери.

Эта соперница была некрасива.

Но опасна.

– Сво-о-олочь, – невеста рыдала, подвывая и вытирая нос атласным подолом свадебного платья. Платье было объемным, и пухленькие ножки невесты выглядывали из белой кружевной пены.

– Не плачь, Таточка, он того не стоит.

Свидетельница в чем-то розовом, облегающем выпуклости и впадины тела, стояла в дверях, обмахиваясь бумажным веером. Она была по-змеиному длинна, тоща и ленива.

– Он сволочь! – всхрюкнула невеста и швырнула свадебным букетом в окно.

– Сволочь, – свидетельница не стала спорить. – Хочешь семак?

Семечки она носила в розовом клатче, куда запускала руку, шарила с задумчивым видом, словно удивляясь тому, сколько всего способно уместиться в крохотную сумочку, и, вытащив горсть, пересыпала в ладонь. Черные зернышки она сдавливала нарощенными ногтями. Раздавался хруст. Ядро летело в накрашенный рот, а шелуха – на пол. Алина раз пять открывала рот, чтобы сделать замечание, но всякий раз наталкивалась на холодный равнодушный взгляд и замолкала.

Нельзя скандалить с клиентами.

– Он... он мне обеща-а-ал, – рев невесты набирал обороты, и Алина с тоской подумала, что день ее будет долгим и нервным.

Теперь она ненавидела свадьбы.

А ведь когда-то мысль открыть агентство по организации свадебных торжеств показалась не просто удачной – волшебной. Алине представлялись счастливые ангелообразные невесты, сияющие от восторга женихи, благообразные родители, тайком смахивающие слезы. Гости... и все до одного очень благодарные Алине за помощь.

В конце концов в их городке не было подобной конторы.

А Алина знала о свадьбах все. Ну так ей казалось.

– Вы должны все исправить, – сказала свидетельница, переключая внимание с рыдающей подружки – щеки покраснелись, макияж поплыл, и в плаче появилось характерное икание – на Алину. – Вам за это платят.

– Но что я сделаю?

– Что-нибудь. Не реви, Тата. Все исправится...

Алина в этом сомневалась, но на всякий случай кивнула. В ее обязанности входило делать людей счастливыми. Вот только люди отчего-то сопротивлялись. Ну вот ни одной свадьбы, чтобы без приключений. Драки – это еще ладно, к дракам Алина привыкла быстро, да и гости видели в них всего-навсего развлечение, причем из обязательных. Особенно радовало, когда свекровь начинала выяснять отношения с тещей, ну или наоборот...

Истерики подруг... пьяные танцы... выяснения отношений... скандалы... полиция...

Но сегодняшний случай выделялся из общего ряда особой маразматичностью.

Жених напился... нет, они в принципе напивались довольно часто, градусом повышая храбрость – Алина серьезно пересмотрела свое отношение к полу, прежде считавшемуся сильным, – но хотя бы до праздничного стола дотягивали. Этот же – мужчина вполне солидного вида и солидной же лысины – из машины выбрался, но лишь затем, чтобы, петляя и кружа, добраться до мужского туалета и там запереться. Свидетель, отправленный с ответственной миссией жениха извлечь, остался в соседней кабинке. Из туалета ныне несло:

– В бою не сдастся наш гордый «Варяг»...

Исполняемое дуэтом и на одной лишь фразе. Мужские голоса заставляли невест крепче цепляться за избранников, дабы пресечь саму мысль о возможности примкнуть к победному мужскому хору.

Алинина клиентка, осознав, что время регистрации пропущено, рыдала.

Свидетельница плевала семечками на потертую дорожку. И следующая свадьба напирала, требуя освободить помещение...

Может, плюнуть на все? Уйти. Вернуть аванс, пусть бы и потраченный частично... а заодно и деньги, которые были вручены на организацию?

Алина спустилась на первый этаж – пение стихло – и постучала в дверь.

– Извините, но мне очень надо поговорить.

Мама утверждала, что Алина – слишком уж вежливая и это качество определенно мешает ей жить. Алина маме верила и несколько раз пыталась перевоспитаться, но вежливость не уходила, прочно обжив хоромы Алининого тела. Благо, было где развернуться.

Алина уродилась крупной. Росла хорошо, что ввысь, что вширь, и, доросши до сорок восьмого размера, остановилась. Она не была толстой – это говорили все, но как-то неуверенно – скорее уж статной. Ее красота, точно назло, обладала крестьянской тяжеловесностью и простотой. Дашка, лучшая и, пожалуй, единственная подруга, утверждала, что Алине не хватает изюминки, и если бы она решилась остричь косу и сделать блондирование, изюминка обязательно появилась бы.

А следом и Алинина судьба... в двадцать шесть лет девушка без судьбы за левым плечом – это просто-таки неприлично.

Глядишь, следом бы и свадьба грянула.

Вот тут Алину и передернуло от ужаса. Нет уж. Хватит с нее свадеб... надо сменить пароль.

- Извините, - чуть громче сказала она, толкая дверь.

Мужской туалет был меньше женского. Но та же белая плитка. Зеркало с известковыми пятнами. Умывальник. Кран, свернутый набок. Хилая струйка воды и человек, который нервно тер ладони, пытаюсь смыть несмывающееся мыло.

Мужчина повернул голову и уставился на Алину синими-синими глазами.

- Вы ошиблись, девушка, - сказал он, и Алина моргнула, отгоняя Дашкин зудящий голос, который, казалось, порой существовал в Алининой голове, независимо от присутствия поблизости Дашки. Голос твердил, что вот она, Алинина судьба. В самом беззащитном положении. И надо бы действовать, желательно, со всей решимостью.

Например, похищение организовать.

- Я не ошиблась, - Алина выпятила губу, что обычно способствовало избавлению от голоса. - Мне жениха надо. Он... напился и там заперся.

Она указала на дверь, за которой, надо полагать, скрывались кабинки.

- Зачем вам такой жених?

- Это не мне. Это невесте. Она плачет.

Алина чувствовала, как загораются щеки. Незнакомец распрямился и - о диво! - оказался выше Алины на полголовы.

- А вы, значит, верная подруга? - насмешливо как звучит.

- Нет, я... организатор свадеб. И вот... проблема.

Алина никогда не умела рассказывать о своих проблемах, потому что маме они казались несерьезными, а папа утверждал, что Алина с любой проблемой сама справится. Дашка же бралась помогать, но почему-то всегда становилось только хуже.

– Ясно, – сказал незнакомец, вытирая руки бумажным полотенцем. – Погодите. Как зовут страдальца?

– Сергей.

Он протиснулся в дверь, которая оказалась слишком узкой – размах плеч был до отвращения велик, – и постучал:

– Серега, ты тут?

– Тут, – раздался слабый всхлипывающий голосок.

– Выходи.

– Зачем?

– Жениться.

– Я не хочу...

– А кто хочет? Но ты мужик или нет?

– Мужик, – вздохнул Серега прежалостливо.

– Тогда будь мужиком. Обещал женщине – женись.

Прозвучало так серьезно, что Алина посочувствовала Сереге.

– Любишь ее? – продолжал допытываться сердобольный незнакомец.

– Люблю... она хорошая... добрая... – Серега отвечал, перемежая слова всхлипами.

– Тогда в чем дело?

– Боюсь...

– Не бойся, Серега. Прорвемся.

Что-то упало, гроыхнула дверь о косяк, и пред Алиной предстал незнакомец, поддерживавший – скорее даже державший – Серегу. Жених был краснолиц, растрепан, но в целом вид имел товарный.

– Таточка плачет? – поинтересовался он, глядя на Алину снизу вверх.

– Плачет. Но простить готова. Только...

Алина заставила жениха умыться, вытерла лицо салфетками, как смогла. Причесала. Перевязала галстук и даже кое-как разгладила залом на пиджаке. Незнакомец, к счастью, – Алина сомневалась, что сумеет справиться с трепетным Серегой самостоятельно, – наблюдал за суетой.

– А вы, наверное, хороший организатор... – произнес он задумчиво.

– Единственный в городе, – вынуждена была признать Алина. Врать она не любила и не умела, хотя Дашка утверждала, что это неумение – от душевной лени. И если Алина потренируется...

– Тоже преимущество. Визитку оставьте.

Сердце екнуло.

– 3-зачем? – У Алины никто никогда не спрашивал визиток, хотя она специально заказала. Красивые. Беленькие. На плотной матовой бумаге с серебряными виньетками.

– Свадьбу организовать, – улыбаясь во все зубы, ответил незнакомец. И сердце заработало в стационарном режиме: смешно было надеяться, что подобная особь еще свободна. Визитку Алина не без труда откопала. В сумочке царил привычный беспорядок: салфетки, бутылка с дистиллированной водой, нашатырь, корвалол, нитроглицерин, бинт, пластырь, ножницы, шарики, соски и ментоловые леденцы – предметы высшей степени необходимости. Ну и визитница, конечно. Дашкин подарок – щегольская темная кожа, позолоченные заклепки...

Для кого оно надо?

– Алина, значит, – незнакомец долго разглядывал визитку. – А я – Леха. Будем знакомы. Куда этого вести?

– Наверх... вы не могли бы... мне еще с регистрацией договориться надо.

Там решилось быстро и относительно недорого. Хотя змееобразная свидетельница, повисшая на новообретенном свидетеле – объявился сам, без посторонней помощи, – не преминула высказаться:

– Они обязаны зарегистрировать.

Дальше свадьба покатила своим чередом. И неожиданный помощник исчез в неизвестном направлении, что было и к лучшему. Алине о жизни думать надо, а не о посторонних блондинах.

О встрече Алина не стала рассказывать ни маме, которой полюбили слушать о свадебных приключениях, ни Дашке. Почему-то виделось, что обе не одобряют Алинину пассивность. Современная девушка должна быть быстра, сообразительна и нагла, иначе рискует остаться без суженого.

Думал Леха долго. Часа два. Обычно он думал куда быстрее, зная за собой особенность: стоило чуть передержать мысли, как они тут же начинали путаться, и вскорости Леха уже не понимал совершенно, чего ему хочется и как.

Но этот случай – другой.

И решившись, он набрал номер.

Егор ответил после третьего гудка, как обычно. Егорка был отъявленным педантом, хотя сам себе в этом не признавался. Носил костюмы в узкую полоску и полосатые же галстуки. Сигареты держал в портсигаре, а портсигар – во внутреннем кармане пиджака. Его носовой платок был всегда выглажен, а туфли сияли. И ручки, понтоватые, сделанные на заказ в количестве двенадцати штук, лежали каждая на своем месте. Не приведи боже перепутать. Нет, Лехе Егорка возражать не посмеет, но будет хмуриться и ерзать.

– Але, Егорка? Это Леха. Узнал? Ну и молодец, что узнал. Я тебе по одному дельцу звоню... ты ничего там на ближайшие выходные себе не напланировал? Нет? И ладненько. Слушай, короче, извини, что впритык, но вышло уж так. Свадьба у меня.

– Алексей Петрович?

– Я, говорю ж, Леха.

– Нет, Алексей Петрович, я интересуюсь, не шутите ли вы.

– Да какие шутки с женитьбой? Не, я серьезный как никогда.

– Кара нашлась? – вопрос прозвучал крайне осторожно, и чувствовалось, что Егорка не слишком будет рад положительному ответу.

– Неа. Сгинула, падлица этакая... но таки и леший с нею.

– А свадьба?

– А свадьба будет, – Леха поскреб щеку, на которой пробивалась щетина. Вот же проклятие, вроде и волос светлый, тонкий, а чуть не побреешься, так оно и прет, что лебеда на пустыре. Замучился бороться. – Будет свадьба, Егорка ...

– В таком случае примите мои искренние поздравления, – а прозвучало ни фига не искренне, напротив, так, что впору раскаяться и передумать.

Ну уж нет...

И Леха, вычеркнув эту фамилию из блокнота, перешел к следующей. Список был невелик.

- Але, Пашка? Это Леха... а ты не один? С кем? Мишка там же? Ну и супер. Короче, такой базар. В субботу свадьба... Как чья? Моя. Да нет, Кара не вернулась, не дергайся. Эта - другая... почти такая же, только лучше.

Леха выдохнул, пытаясь понять, не переборщил ли.

- В общем, жду вас. Тебя и Миху... Сашка? Ну куда ж без этой стервяди. Прихвати, конечно. Только пусть не нажирается и ведет себя прилично. Вот и ладненько... Невеста? А я тебе фотку скину...

Еще два имени. И дописать третье. Спасибо, что напомнили про Сашку. Конечно, она баба и вроде бы как нехорошо подозревать, с другой стороны, Сашка по-бабьи злопамятна, стервуча и силы имеет. А уж Кару она ненавидела люто.

Могла?

Вполне.

А Миха с Пашкой? Ну они просто попали... по случайности. Леха ж не подозревает их всерьез. Или подозревает? Если не эти, то другие, но тоже свои.

Или ошибся тот старичок подслеповатый, который слушать слушал, а будто бы спал. Потом же начал говорить сам, скрипучим болезненным голосом. И Леха все боялся, что старичок перенапряжется и помрет. Профессора - они слабые, наукой иссушенные. А Лехе-то потом отмазывайся, что не специально академика замучил.

...свои... только свои... близкие, с которыми Леха встречается, за руку здороваются, верит, если не как себе, то почти. Те, кто имел возможность в Лехином компе пошарить, в Кариных вещичках. Те, кто пробирался в дом, оставляя бумажных бабочек.

Нет, не ошибся дедок.

Вот только он советовал в полицию обратиться, но Леха уже пробовал. Не вышло. Не поверили. Ревнивый брошенный женишок поквитаться жаждет... ага, так оно и выглядит.

А бабочки – это так, глупая шутка.

Леха сам так думал. Прежде.

– Максик? Это Леха. Не, ничего не случилось, не дергайся. Слушай, ты бы к доктору сходил, травок каких пусть пропишет... не, не злись. Я ж по-доброму. Никакой ты не псих, а заработавшийся человечиче. В отпуск тебе надо бы... Что, не хочешь? Дело твое. Я ж оплачу. Свои люди... ага. Слушай, тут такое дело. Приходи ко мне на свадьбу. Когда? А в субботу и приходи. Ау, Максик, ты там живой? Не нашлась Кара, не нашлась! Успокойся уже.

Максик был нервным. Он вечно трясся и вечно потел, даже в мороз, и карманы широких штанов его оттопыривались – Максик носил с собой упаковки бумажных салфеток, которыми протирали шею, лицо, молодую лысину, которая появилась тоже от нервов.

– В общем, я тебе фотку скину. Потом. Ага, конечно, красавица... ангел во плоти.

Оставалось сделать последний звонок, когда совесть наконец очнулась. Что Леха творит? Пытается поймать сволочь, которая убила Кару.

Леха не видел тела.

Не знает, где искать его.

И понятия не имеет, как ловят убийц. Но уже подозревает всех, кому верил безраздельно предыдущие годы. А сейчас Леха им врет. И врать собирается долго, много... а если не выйдет?

Карточка лежала на столе перед Лехой. Организация свадебных торжеств. Широкий спектр услуг.

– Привет, Славка, чем занят? Ага, я... слушай, ты когда возвращаешься? Послезавтра? Молодец... короче, только не ори, лады? Свидимся и тогда поговорим нормально. У меня тут свадьба. Да что вам всем эта Кара сдалась! Нет ее! Вот как не было, так и нет! И где ее черти носят, я знать не знаю и не хочу! А свадьба у меня с Алиной...

Мягкое имя, округлое. И глотку не царапает, а то Леха за нынешний вечер наговорил больше, чем за предыдущие две недели.

– Нет, ты ее не знаешь. Одна хорошая женщина... и вот то, что ты сейчас сказал, не говори больше, лады? Она и вправду хорошая. Познакомьтесь – тебе понравится. Я фотку вечером кину... или завтра. Ну мозги ты мне, конечно, попытаешься вправить, только не пыли понапрасну. Леха сказал, что женится, значит женится...

Оставалось уговорить невесту.

Впрочем, с бабами Леха ладил легко. Ну почти со всеми.

Звонок раздался во вторник, ближе к вечеру, когда Алина расчесывалась. У длинных волос имелись собственные недостатки, и порой Алине казалось, что их больше, чем достоинств. Она дважды или трижды всерьез задумывалась над тем, чтобы обрезать косу, но потом представляла папино огорчение, мамино недоумение, себя со стрижкой и отступала.

Вот и сейчас Алина сидела на полу, скрестив по-турецки ноги. Сандаловый гребень скользил по прядям. Волосок к волоску... и напряжение, скопившееся за день, отступало.

– Алло, – сказала Алина, несколько опасаясь скандала.

Клиент остался недоволен, причем всем: загсом, оператором, рестораном, музыкантами, тамадой, погодой и, конечно, Алининым бездействием и вящим нежеланием решать проблемы. А ведь деньги-то уплачены...

– Алина? – с некоторым замешательством произнес смутно знакомый голос.

- Алина, - согласилась Алина.

- Это Леха... который вчера... в туалете.

- Добрый вечер, Алексей, - Алина отложила расческу. - Я так и не сказала вам спасибо за помощь. Вы меня спасли.

- Рад был. У меня это... дело к вам... можно встретиться?

- Конечно, - подавив вздох, Алина сказала себе, что встреча эта - совсем не свидание, а просто встреча. Деловая. На свидания ее давно никто не приглашал. - Когда?

- Сейчас. Скажите, куда ехать, и я подъеду. Просто дело... ну очень срочное.

- Подъезжайте.

Алина назвала адрес и уточнила:

- Мне с полчаса надо...

Не угадала. Времени потребовалось больше, потому как мама сунула Алинин приличный костюм в стирку, а второй был хоть и чист, но измят. Третий же вовсе не годился для деловой встречи. Пришлось срочно искать джинсы, а к ним - свитер, чтобы обнаружить, что на свитере спала кошка. И возмущенная пробуждением, она долго фыркала на Алину. И свитер оказался весь в шерсти...

В общем, когда Леха опять позвонил, Алина обнаружила себя в прихожей, стоящей на одной ноге, в тщетной попытке одновременно натянуть сапожок и удержаться на весу.

- Я... сейчас... уже иду...

- Океюшки. Жду.

Леха отключился, а Алина осознала, что причесаться или хотя бы заплестись она не успеет. Придется, как выражалась мама, лахудрой идти.

Но в конце концов Леха сам виноват. Кто назначает деловые встречи в столь поздний час?

Алина натянула куртку и выскочила прежде, чем выглянувшая в коридор мама успела задать вопрос. По лестнице спускалась бодрым галопом, застегиваясь на ходу. Волосы лезли в молнию и в глаза, и вообще Алина ощущала себя обезумевшей кобылицей, которую точно на скаку не остановить. Разве что подножкой... Ее подставил порожек – вечно Алина о нем забывала, – и из подъезда она вылетела птичкой. Прямо Лехе в руки. Он лишь покачнулся, но устоял.

– Экая ты быстрая, – сказал Леха.

Алина покраснела. Был у нее подобный недостаток – краснеть по любому поводу, ну или вообще без повода. Дашка уверяла, что тонкая кожа – признак аристократизма, пожалуй, единственный Алине доставшийся, но при этом требовала держать себя в руках. Пока Алину в руках держал Леха.

Он все-таки был выше на целых полголовы. И широкие плечи под кожанкой казались еще шире, заслоняя весь горизонт. От кожанки пахло кожей, что было вполне естественно, а от Лехи – туалетной водой, которую Алина для папы присмотрела, но купить не решилась.

– Извините, – сказала Алина, радуясь, что сумерки и Леха не видит предательской красноты. – Я постоянно забываю о том, что здесь порожек сломан. Торчит.

– Да я не в обиде. А порожек починить надо.

Было бы кому... на первом этаже живут старухи. На втором – вьетнамцы и студенты. На третьем – молодая семья, проводившая время то в празднествах, то в ссорах... а папа не умеет. Разве что Алина сама возьмется. Но она не умеет пороги чинить.

– Ух ты, какое богатство! – Леха провел по волосам.

Вообще-то Алина терпеть не могла, когда незнакомые или малознакомые люди трогали ее волосы. Во многом потому, что люди почему-то считали, что имеют на это право, и реализовывали его смело, не трудясь ни спросить разрешения, ни хотя бы вытереть руки. Но сейчас было иначе. Леха касался нежно, осторожно, и восхищение его было непритворным.

– А я и не увидел! Как не увидел-то?

Спрашивал он не у Алины, а у себя.

– Я короной заплетаю, – призналась Алина.

Вообще-то Дашка называла эту прическу не короной, а бубликом, но она вообще была идейной противницей косы.

– Короной... королевна. Точно королевна. Повезло мне. Пошли, что ли.

– Куда?

– Ужинать.

– Я... не голодна.

– А я вот жрать хочу, – душевно признался Леха, подхватывая Алину под руку. – И про дельце наше перетереть бы. В спокойной обстановочке, ага... Так куда идти-то? Только, чур, место чтобы приличное. И хавчик нормальный. Страсть не люблю, когда хавчик гадостный.

И Алина решилась. Маме, если та станет допытываться, Алина соврет про свидание. Неудачное, конечно. Других у Алины не случилось.

Первые годы жизни Жанны-Антуанетты прошли в доме, арендованном ее отцом – во всяком случае, Луиза Мадлен раз и навсегда постановила, что именно

Норман является отцом ребенка. Впрочем, фамилию дитя по ряду причин носила ту, что оставил беглый Франсуа. Новостей о нем не было, и постепенно Луиза Мадлен смирилась с этой потерей, жалея лишь о растроченных впустую годах. К радости ее, постепенно возвращалась прежняя красота – дочь не сумела отнять ее у матери. Луиза Мадлен все чаще глядела на свое отражение в зеркале без того, чтобы испытать отчаяние. Ее кожа обрела прежнюю нежность и приятный глазу сливочный оттенок, которого многие тщетно пытались добиться, отбеливая лицо лимонным соком, травами и особой восточной глиной. Ушла полнота, оставив лишь приятную глазу округлость форм, а движения обрели несвойственную им прежде плавность.

– Мадам, – сказал однажды Норман, который время от времени наносил визиты, нарушая тем самым устоявшийся уклад жизни. – Вы стали еще более хороши, чем прежде!

– Рада слышать это от вас.

И однажды случилось так, что Норман задержался дольше обычного, а затем визиты его участились, что весьма устраивало Луизу Мадлен.

Что же касается Жанны, то росла она тихим и беспроблемным ребенком, точно понимавшим, что родителям недосуг возиться с нею. Даже во младенчестве она редко капризничала, а плакала и вовсе лишь в исключительных случаях, чем весьма радовала кормилицу – женщину грузную, тяжелую на подъем и уверенную в несправедливости жизни.

Подрастая, Жанна не становилась более красивой или хотя бы миловидной. Она была напрочь лишена той уютной детской пухлости и неизъяснимого очарования, свойственного, казалось бы, всем без исключения детям. Своими повадками и обликом Жанна-Антуанетта все более походила на Нормана, что вовсе не радовало отца. Впрочем, досужие языки утверждали, будто бы Норман испытывал радость лишь при подсчете прибыли.

Станным было и первое осознанное впечатление Жанны об отце. По юности лет она не уделяла хоть какого-то внимания вопросам законности своего появления на свет, полагая, что тот единственный мужчина, которому дозволено переступить порог их дома, и является кровным ее родителем. О существовании Франсуа, чью фамилию она носила, Жанна-Антуанетта узнает много позже и

удивится тому, как вышло, что в ее памяти, где хранилась тысяча замечательных вещей, не нашлось ни одной, которая напомнила бы об этом человеке. А после она решит, что, вероятно, это и к лучшему. Тем паче что Нормана она любила вполне искренно, будучи, пожалуй, единственным человеком, который испытывал это чувство к безжалостному финансисту. И тот, странное дело, отвечал дочери взаимностью.

Жанна запомнила его объятия, крепкие, но бережные. И сухость щеки, к щеке прижатой. Запах пудры и конского волоса, колючесть щетины и холод металла в руке.

– Это экую, – говорил Норман глубоким грудным голосом, позволяя дочери играть с монетой. – А вот луидор...

В его карманах всегда находились деньги, новые, блестящие, будто только-только отчеканенные, и старые, затертые, но все равно интересные. Помимо французских, были здесь и английские, испанские, итальянские, индийские... невообразимое множество монет.

По ним Жанна изучала мир.

Долго она его представляла именно так – монетами в жестких отцовских руках. Монеты пытались убежать, прятались в рукавах, чтобы обнаружиться в ухе Жанны. Или в ее волосах.

– Так вы избалуете девочку, – говорила матушка, которая относилась к этим играм с явным неодобрением. В отличие от отца, тяготевшего к серым и скучным цветам, будто бы выбранным нарочно, чтобы подчеркнуть общую неприметность этого человека, матушка благоволила к тонам ярким и нарядам пышным. Пахло от матушки всегда духами, и аромат их тоже был частью волшебства. В представлении дочери Луиза Мадлен была женщиной невероятной красоты, какой самой Жанне никогда не стать.

Больше всего в жизни Жанне хотелось матушку порадовать, а та, глядя на дочь, лишь вздыхала, повторяя раз за разом:

– Господи, чем тебя прогневило это несчастное дитя, если ты сотворил его настолько некрасивым?

Слыша это, Жанна огорчалась, ведь выходило, что она разочаровывает родителей, которые, вероятно, ждали, что дочь будет их достойна.

И сомнения, зароненные в душу Жанны, с каждым прожитым днем крепили, постепенно перерастая в уверенность, что Жанна – уродливое и недостойное любви создание. Эта уверенность породила робость, которую Жанне-Антуанетте не удавалось преодолеть, несмотря на все усилия. Дети же, с которыми ей случалось играть, чужали ее слабость, находя особое удовольствие в том, чтобы раз за разом в играх своих выставляя ее глупой, неумелой, а то и вовсе прогонять. Лишь врожденная сила духа не позволяла Жанне жаловаться или же плакать. Когда возникало подобное желание, Жанна-Антуанетта говорила себе так:

– Что сделают слезы? Ничего. Мой нос опухнет. И глаза станут красными. Я буду еще более уродлива, чем сейчас.

Если же обиды были вовсе непереносимы, Жанна скрывалась на чердаке дома, где и разрешала себе плакать, а после долго сидела, ожидая, когда пройдет предательская краснота. И единственным, кто обратил внимание на страдания Жанны, стал Норман. Однажды он поднялся на чердак и, обнаружив дочь, которая самозабвенно рыдала, сказал так:

– Слезы ничего не стоят.

– Я... я знаю, – в его присутствии плакать расхотелось, но пришло удивительное успокоение, которое давала Жанне лишь близость этого удивительного человека.

– Тогда почему ты плачешь?

– Я некрасивая...

– В мире множество некрасивых женщин. И если каждая станет плакать лишь потому, что некрасива, то случится второй Потоп.

– Я никогда не стану такой, как моя дорогая матушка.

– Ты еще мала, – Норман обнял дочь и погладил по жестким волосам, с которыми не в силах был справиться ни один гребень. – Пройдет время, и однажды ты вырастешь. И лишь тогда станет ясно, красива ты или нет.

Отцу Жанна-Антуанетта верила. Прежде он не лгал ей, даже когда она спросила, отчего другие называют Жанну незаконнорожденной. И хотя то его объяснение вызвало у Жанны шок, едва не повлекший болезнь от понимания, что ее отец, возможно, вовсе и не отец ей, она была благодарна за правду.

– Но есть еще один секрет, – сказал он на ухо. – Надо говорить людям, что они должны о тебе думать. Если ты скажешь себе, что красива, если ты скажешь каждому, что красива...

– То надо мной будут смеяться!

– Поначалу. Но затем начнут сомневаться, так ли они правы. Если ты будешь верить в каждое свое слово, то рано или поздно найдется тот, кто тоже поверит. А остальные последуют его примеру. Красота не в тебе, а в чужих глазах. Глаза же видят лишь то, что человек желает видеть.

Все это было слишком сложно для Жанны.

– Посмотри на свою матушку. Ты думаешь, что она красива? Но ее красота увядает. На ее коже появились морщины, а шея обвисла. Она носит девичьи платья, хотя давным-давно уже вышла из юного возраста. Но разве ты или кто-либо замечает, сколь она нелепа в своих притязаниях?

– Мама вовсе не старая...

– Взгляни на нее сегодня, только так, как я тебе сказал, – Норман нежно поцеловал дочь в макушку. – И увидишь, что я был прав.

Наверное, он сделал что-то с Жанной, поскольку за ужином она не спускала глаз с матери, подмечая неожиданные, не замеченные прежде детали. И вправду шея ее, укрытая вуалью платка, дрябла. А из уголков глаз разбегаются морщины. Белое некогда лицо потемнело, и теперь Луиза Мадлен вынуждена использовать пудру. Ее платье травянисто-зеленого цвета, отделанное золотым

позументом, подчеркивало пышность плеч и груди, но меж тем выглядело как-то... неправильно.

– Видишь, – Норман подошел после ужина к дочери. – Я был прав.

И Жанна-Антуанетта, до глубины души пораженная увиденным, кивнула.

– И что мне делать?

– Для начала убедить себя, что ты красива. Посмотри, – он развернул Жанну к зеркалу, которого та всячески избегала. Зеркала ее не любили, а уж это, огромное, в тяжелой раме, и вовсе должно было ненавидеть. – Что ты видишь?

– Себя. Узколицую. Узколобую и узкогубую. С тонким и длинным носом, со впалыми щеками и коротковатой шеей.

– У тебя необычный разрез глаз. И сами они очаровательны. Линия бровей идеальна. Твои волосы обладают удивительной природной густотой. Ты не худая – изящна...

Он многое говорил, каждым словом превращая Жанну в кого-то иного.

– Вам не кажется, – матушкин ревнивый голос нарушил очарование, – что эта ложь не спасет ее? Не лучше ли быть готовой к тем тяготам, которые ей предстоят?

– Каким же?

– Участь некрасивой женщины незавидна.

– Мадам, – Норман никогда не повышал голос на женщину, к которой когда-то был привязан, – не думал, что вы столь быстро и сильно изменитесь. Прежде вам не пришлось бы напоминать, что именно я оплачиваю ваши наряды, и ваши развлечения, и сам этот дом. Но делаю это не для вас.

– Я никогда не забывала об этом, – раздраженно заметила матушка. – Но вы пытаетесь сделать невозможное. Изменить то, что создано природой.

– Сама природа переменчива.

Жанне хотелось спрятаться. Верить и не верить. Плакать. Хохотать во все горло. И быть может, попрыгать на одной ноге, показывая матушке язык. Теперь, когда Жанна-Антуанетта видела истинное ее обличье, любовь исчезла.

Сложно простить разрушенное волшебство.

Видимо, матушка ощутила перемену в Жанне, потому как поспешила удалиться в свои покои.

– Не слушай ее, – отец убрал волосы с лица. – Ты сама сотворишь себя. Это будет сложно. Но достойно моей дочери.

Жанна кивнула: она не обманет надежд отца. И если он верит, что Жанна-Антуанетта способна стать красивой, то она станет.

– Вот, смотри, – Норман извлек бархатный футляр. В таких он когда-то приносил украшения для матери. Внутри лежала брошь: золотая бабочка с расписанными эмалью крыльями. – Это чтобы ты помнила: любая бабочка изначально скрывается в теле уродливой гусеницы. Но не любая способна из этого тела выбраться.

Он сам закрепил брошь на платье дочери.

– С завтрашнего дня ты будешь приходить сюда. Становиться перед зеркалом и смотреть на себя. Учиться видеть бабочку, которая спрятана внутри.

– А... а если ее нет?

– Есть, – он не признавал отказов и слабостей. – Надо только хорошо постараться.

Похожа! До чего похожа! Сестра родная, единокровная.

И Леха уже почти готов был спросить, нет ли у Алины потерянных в детстве родственников, но язык прикусывал. Надо же было случиться такому... он ведь искал. Все агентства с ног на голову поставил, но ничего. Пустота.

Сети великой Сети пусты.

Уже думал, что все, конец, ан нет. Случайная встреча в мужском туалете. Кому рассказать – не поверят. И главное, он сам себе не верил. Смотрел-смотрел...

Не верил.

Алина шла, то и дело трогая волосы, закручивая их жгутом, отбрасывая за плечо. Но ветер толкал жгут, раскручивая, и светлые пряди рассыпались.

Кара ходила со стрижкой. И иначе, гордо чеканя шаг, высоко задирая подбородок. Смотрела тоже с вызовом, с презрением, точно зная, что нет в мире человека, ее достойного. У этой взгляд мягкий.

Врет?

Все бабы врут. Одни в малом, другие – в большом. Но главное, что ни одной нельзя верить. И Леха об этом помнит. Спасибо, урок он усвоил.

Нет, все-таки разные. Эта – в дешевеньких джинсах, сапожки на низком каблуке, куртка из кожзама. Кара бы в жизни такое не надела. Она любила шпильки и чтобы повыше, поострей, предпочитая возноситься над людьми, ее окружавшими.

– Скажите, – Алина – даже имя у нее гладкое, неконфликтное – смутилась, когда Леха снял с нее куртку, – вы ведь о свадьбе хотите поговорить.

– Точно. О свадьбе.

Эта не делала замечаний, что Леха неправильно говорит и ведет себя чересчур уж вольно. Вряд ли у нее получится осадить взглядом. А пощечину, которые

Кара раздавала с легкостью, почти как медали, и вовсе не осилит.

– Вы хотите, чтобы я ее организовала?

– Ага.

Заведение из демократичных. Пиццерия в старом подвале, заложенном некогда в фундаменте дома, не нынешней скучной пятиэтажки, но прежнего, сгнувшегося в неравной борьбе со временем. Стены сырые, с темными разводами плесени, которые вряд ли кто, кроме Лехи, замечает. Тяжелая мебель из дерева. Кованые ручки на дверях. И простенькие пластиковые светильники.

Но пахло вкусно.

Леха всегда считал, что еда начинается с запаха. Кара полагала, будто блюду достаточно быть красивым...

– Прошу, – Леха взял новую знакомую под локоток, и Алина взрогнула. Непривычно? Пусть привыкает. – Выбирай угол. Только попросторнее. Что пить будешь?

– Я не пью.

Ресницы коровьи и глаза такие же. Даже жаль ее становится. Но Леху в свое время никто не пожалел, и сам он жалеть не станет.

Выбрав самый дальний столик, Алина нырнула в угол. Спряталась, значит. Нет, девочка, твоя судьба уже предрешена тем, кто привел тебя в мужской туалет, хотя в высшие силы Леха не верил.

– Сначала еда, а потом дело.

Сытые люди хуже соображают. А вот напоить вряд ли выйдет. Жаль, было бы легче. Пока Леха делал заказ, Алина снова собрала волосы – все ж таки роскошные они у нее, живые – в жгут и закинула за плечи. Тонкие прядки тут же высвободились, чтобы прильнуть к щекам и шее.

– Короче. – Та, другая, ненавидела это слово какой-то лютой идейной ненавистью. И теперь Леха с немалым наслаждением использовал его, точно мстил. Хотя, конечно, глупость. Она же не слышит, а раз так, то какая это месть? – Короче, дело такое. Я женюсь. В субботу.

Алина моргнула и дернула носом.

– В эту?

Она что, решила, что ей за пару деньков свадьбу надо организовать? И вон как нахмурилась, верно, подбирает слова для отказа, но чтобы необидные. Кара никогда не задумывалась над тем, что слова способны обидеть людей.

– Все схвачено, – пообещал Леха. – Кроме невесты. Сбежала, курва этакая.

– К-куда?

– А кто ж ее знает.

Боль, вроде бы притихшая, резанула сердце. И Леха поспешил ее заткнуть.

– Счета обчистила и сбежала. С любовничком небось... чтоб им вдвоем навернуться.

Алина смотрела на него круглыми от ужаса глазами. Верно, ее клиенты не столь откровенны в признаниях.

– Не, ты не дрожи, денег они хватанули, но вершки только... сволочи, да...

Принесли пиццу. Выглядела она прилично, и аромат шел просто одуряющий. Когда Леха ел в последний раз? Утром вроде. А что ел – он и не помнит. После побега Кары вообще все странно, жизнь рывками. Вот вроде одно место, и тут же другое. Что он делает? Чего хочет?

– И хрен бы с ними, но вот узнают люди, чего случилось, и смеяться над Лехой станут. А у Лехи – репутация.

– А от меня чего вы хотите?

– Чтоб ты за меня замуж вышла.

Алина застыла. Она смотрела на Леху с таким непередаваемым выражением лица, что он сам начал осознавать, что идея эта – не лучшая.

– Я? – тихо-тихо переспросила Алина и ткнула себя в грудь.

– Ага, – подтвердил Леха. – Глянь.

Он карточку носил с собой, чтобы, когда вовсе тоскливо станет, подхлестнуть себя обидой. Фотография всего одна – Кара не любила сниматься, считая, что картинки мертвы. Была в чем-то права. На снимке она стояла в пол-оборота. Шляпка. Вуалетка. Двубортный пиджачок с белой полоской. И золотая бабочка на лацкане пиджака.

С этой бабочкой она не расставалась. Говорила, талисман на счастье... говорила, что сама она – как бабочка.

– Да ты погляди, – Леха подвинул снимок, хотя и не желал с ним расставаться. – Она мне говорила, что другой такой не найду. Нашел вот. Вы ж одно лицо. Мы поженимся. Поживем месяцок, а потом и разведемся. Вроде как характерами не сошлись. Сейчас куда ни плюнь, характерами народец не сходится.

– Вы... вы сумасшедший.

Алина сделала попытку встать, но место ее угловое не подходило для подобных маневров.

– Сидеть, – велел Леха, и Алина подчинилась. – Я не психованный, хотя похож. У меня репутация. Баба не может Леху на другого променять. А Леха бабу – запросто. И не во мне дело. Не в тебе тоже. В деньгах.

Это они все понимали. Слабые, слабые, а поставь вопрос финансовый, враз про слабость забывают. И Алина села на место, кулачки сжала, ручки скрестила. Уставилась выжидающе, мол, пой, Леха, песню.

– В общем, предложеннице такое. Ты идешь за жену. Я плачу за потраченное время.

– Да за кого вы меня... вы меня... – и покраснела, густо-густо. Только кончик носа белым остался.

– За бабу, которая играет в бизнесменшу. Крутится белкой в колесе, думает, что еще годик – и все само заработает. Только не выйдет, Алиночка. Нет в тебе волчьей жилки. И прогоришь. В этом месяце, в другом... прогоришь все равно. Вернешься к родителям. Или устроишься в контору. Будешь сидеть, получая копейки, и спрашивать себя, чего ж жизнь такая поганая.

– Вы... вы не должны так говорить!

Леха отмахнулся. Как хочет, так и говорит.

– Я тебе дело предлагаю. В койку не потащу, не бойся. А вот на фуршетах мордой посверкать придется, ну так с тебя не убудет.

Он вытащил ее визитку и на обратной стороне написал сумму. Этот язык бабы понимали с ходу.

– Вот. За месяц красивой жизни. И будешь потом свободная да с деньгами.

Нет, Алине, конечно, случалось встречать странных людей со странными идеями, в последний год так особенно. Свадьбы вообще обладали поразительным качеством – с легкостью будили в людях безумие. Но Леха оказался более сумасшедшим, чем все предыдущие Алинины клиенты, вместе взятые.

А главное, выглядел приличным человеком!

Серьезный такой. Лохматый вот слегка.

– Ты погляди, погляди, – он силой вложил карточку в Алинину руку.

Она собиралась сказать, что не согласна на эту авантюру ни за какие деньги, но любопытство одержало победу над здравым смыслом. И Алина глянула.

Потом еще раз.

– Это не в рублях, – уточнил Леха, глядя с насмешкой.

Сумма не укладывалась в Алининой голове. Ни вдоль, ни поперек, вообще никак. Она была абстрактной и огромной, подавляющей волю.

– Ну подумай сама, лапочка. Когда у тебя еще шанс появится заработать нормально?

– Я... я зарабатываю. Нормально.

Это было ложью, и Леха понял.

– Врешь, – сказал он с чувством глубокого удовлетворения в голосе. – Ты пока барахтаешься, но скоро пойдешь ко дну. А я тебе даю спасательный круг.

В весьма материальном выражении. Этого он не говорил, но было и так понятно: нечего Алине носом крутить, иначе Леха уйдет, и Алина останется наедине со своими проблемами и не слишком радужными перспективами.

– Да не трясись ты. Все пройдет ништяком! Кара сволочью была, но уживались... – он потер переносицу. – И с тобой уживемся. Лешка Попов от своего не отступит. Сказал, что женится, так тому и быть.

Ему, наверное, обидно. Мама говорит, что нет ничего хуже раненого самолюбия, особенно если мужского. Оно воспаляется и нарывает, приводя к резкому ухудшению характера. Леха, каким бы он странным ни был, не заслуживает быть брошенным перед свадьбой.

– Я вам сочувствую, но...

– Мало? Назови сама. Давай, смелее. Деньги у Лехи есть. Не стесняйся.

Жалость как рукой сняло.

- Вы что, думаете, что за деньги купить можно все?

- Ну... не все, но многое.

- И меня?

- Да не тебя. Время твое. Ты ж свадьбы устраиваешь. Время тратишь. Силы. Люди платят, и я заплачу. За время и силы, потраченные на организацию моей семейной жизни, - он улыбнулся кривовато. - Подумай, сколько всего ты потом, когда от меня освободишься, сможешь сделать.

У него даже речь стала правильной, как будто до этого момента Леха играл в себя, но другого, простоватого, но веселого парня. А глаза-то злые. Попала ты, Алина. И ведь он прав. Денег много... Алина сможет наконец съехать от родителей. Если поискать однушку где-нибудь на окраине города, то хватит...

Дашка утверждала, что судьба ждет только самостоятельных женщин, а те, которые продолжают обретаться на родительской жилплощади, со временем трансформируются в старых дев.

- Услуги сексуального характера я не оказываю, - предупредила Алина на всякий случай.

И Леха захохотал. Какой у него был смех! Громкий, заразительный. Редкие посетители оборачивались на Леху, но ему было наплевать.

- Договорились.

- И еще, - Алина не знала, согласится ли он, но выхода другого не было. - Это ведь настоящая свадьба? С росписью?

- Ага, - он отсмеялся и вытер ладонью слезы на глазах. Ну вот сам же говорил, что в постель не потащит. А стоило Алине уточнить, как смеяться стал.

- Тогда я должна сказать родителям.

- Чего?

- Родителям, - повторила Алина и пояснила: - Мама очень огорчится, если пропустит мою свадьбу. И папа тоже...

- И что ты скажешь? - он подпер щеку кулаком.

- Ну... что мы давно встречались, но я молчала. А тут свадьба... сюрприз...

- И развод тоже будет сюрпризом? Ну, потом. Соври им лучше про командировку в другой город. Да и не впишутся твои родители. Я так думаю.

Не впишутся? Да у нее самые замечательные родители, которых только представить можно! И если они Лехе не подходят, то пусть Леха выкручивается со свадьбой как хочет! Алина в этом не участвует. Она вскочила, едва не опрокинув стол, и гордо - ну или, во всяком случае, быстро - двинулась к выходу. Леха нагнал у дверей и, вцепившись в плечо, рванул Алину на себя.

- Стоять! - он рявкнул так, что колени подкосились, и Алина упала бы, когда б не Лехина рука, которая по-хозяйски легла на талию. - Родители, значит?

Алина кивнула.

Ну вот, еще не женился, а уже обнимается. Что после свадьбы будет? И вообще, неужели она мысленно допускает участие в этом безумном мероприятии?

- А без родителей никак?

Она помотала головой, и Леха, не отпуская, велел:

- Тогда веди.

- К-куда?

- С родителями знакомиться.

Алина обомлела. Вот он всерьез? Ну конечно... Алина же сама условие выдвинула. Но мама придет в ужас. Или не придет? Она же говорила, что Алине замуж пора. Но чтобы в субботу... Папа станет Леху допрашивать и хмуриться. А мама станет охать, что платья подходящего нет, и вообще приличные девушки заранее готовят родителей к собственному побегу из отчего дома.

Леха помог облачиться в куртку и, не отпуская Алининой руки, – точно опасался, что и Алина сбежит, как та, неизвестная ей Кара, – вывел на улицу.

– В общем так, про тебя я много уже знаю.

– Откуда?

– От верблюда. От службы безопасности, конечно. А теперь про меня слушай...

На свет божий Леха появился в крохотном городке, центром которого был завод по производству чего-то очень важного и очень секретного. Завод умудрился пережить перестройку, но потом все-таки умер. Город держался дольше.

С детства Леху окружали тоска, серость и какая-то непонятная, но всеобщая готовность к смерти. Мужики спивались. Бабы стервенели. Дети сбивались в стаи, рано пробуя спирт, секс и сигареты.

Леха помнил замершие стройки, котлованы с торчащими клыками опор, осыпающиеся стены и норы, куда сбивались бродячие псы, подвалы котельных, матрацы и плодово-ягодное вино, которое легко шибало в голову. Наверное, он мог бы спиться или стать наркоманом, как кореш Васятка, начавший с клея и пакета на голову. Или сесть на нары, как другой кореш, в пьяной драке прирезавший человека. Или просто раствориться во всеобщей серости, обзаведшись женой, детьми и привычкой курить в туалете. Но Леха нашел путь из городка.

Он начал торговать китайским шмотьем, за которым мотался сначала в столицу, а после в Китай, выживая во всеобщей сутолоке. Те времена запомнились безумными. Первая золотая цепь на шею. Поддельный, но внушительный «Ролекс» на запястье. Бабы с пергидрольными волосами и чулочками в сетку.

Пьянки. Работа. Работы всегда больше, потому как Лехе – в этом он не сразу себе признался – работать нравилось. У него был нюх и голова на плечах, позволявшая избегать многих неприятностей.

– В общем, сейчас у меня фирма, – Леха говорил нарочно с ударением на последнем слог, но Алина не морщилась. Она вообще слушала внимательно, как будто бы ей было не все равно. – В Китае фабрика. Шьют спортивную одежду всякую... ну и вообще.

Много ей знать не положено, Леха и это рассказывать не собирался, так, вкратце, а вышло вполне подробно.

– Предки мои померли. Братьев, сестер и другой какой родни не имею. Зато имею хату, машину и лопатник, – Леха похлопал по карману.

Каре куртка не нравилась. Кожу носят бандиты и комиссары, так она считала, уговаривая Леху сменить прикид. Он не уговаривался, не оттого, что не хотел, – ему в общем-то было все равно, во что одеваться, – но просто нравилось возражать ей.

Кара заводилась. От злости глаза вспыхивали. Щеки пунцовели. И на белоснежной шее проступала жилка.

– Познакомились мы, – Леха не удержался и снова потрогал волосы. До чего роскошные, мягкие... гладить бы и гладить. – А взаправду скажем, как познакомились. Только не вчера, а раньше.

– Полгода назад.

Алина не стала отстраняться. Она все еще опасается Леху, думает, верно, что он псих. Но за бабки готова мириться с этим его недостатком.

– Полгода – это хорошо... Погоди. Тут магазин поблизости есть? А то неловко как-то с пустыми руками.

Магазин был, маленький и захудалый, но нашлись в нем и конфеты приличные, и коньяк вроде бы неподдельный. Цветов бы еще.

– Стой, – на выходе он вспомнил еще кое о чем. Коробочка лежала во внутреннем кармане. – На вот.

Кольцо было простым – тонкий ободок и синий камень прямоугольной формы, но стоило бешеных денег. И Леха решил, что если так, то оно хорошее.

– Мне? – Алина спрятала руки за спину.

– Тебе. Ты же невеста. А невесты с кольцами ходят.

Она мотнула головой.

– Почему? Некрасивое?

Кара твердила, что вкус у Лехи грубый, купеческий, и такой уже не исправить. Наверное, права была, если этой вот тоже кольцо не по вкусу.

– Очень красивое. Но дорогое. Алексей, я... я буду бояться, что потеряю. Забуду. Оброню. Или случится еще что-то. Пожалуйста, уберите.

– Неа. Надень. А то глянут людишки и скажут, что Леха на бабу бабла жмет. И не боись, застрахованное оно.

Правда, страховка распространялась лишь на кражу, но Алине знать не положено. И вообще, какого она выдрючивается? Нормальные девки цацкам рады. А эта носом воротит.

– Руку давай, – сказал приказным тоном, и Алина подала. А пальцы дрожат. Тонкие такие, побелевшие от холода. Кто ж по такой погоде без перчаток ходит?

Но кольцо село как родное.

– Вот теперь ладненько. Веди. И выкать прекрати.

Честно говоря, предстоящее знакомство несколько беспокоило Леху. Ну как-то не представлял он себе родителей Алины, да и не понимал, зачем вообще надо

что-то им говорить. Родители – это... им просто положено быть. Их терпят, пока не наберутся сил бежать.

Леха вот обрадовался, когда смог позволить себе съемную хату. Тишина. Благодать. Никто не нудит над ухом, жалуясь, что папаша опять пьяный, а Лехе все равно. Не орет, отношения выясняя. Не попрекает, что жрет он много, не в себя...

В Алининой квартире пахло, как в булочной, – корицей, яблоками и свежим тестом.

– О, мама пироги затеяла, – Алина разувалась, вцепившись в Лехину руку.

Коридорчик крохотный, но у Лехи вообще с пространством отношения натянутые. Вечно его не хватает. И тут повернуться страшно – вдруг чего сломаешь. Леха-то заплатит, но все равно неудобно.

– Ма! – Алина подала тапочки и, забрав Лехину куртку, упрятала ее в шкаф. – Ма, иди сюда, я тебя познакомить хочу...

– Не кричи, слышу.

В коридор вышла невысокая изящная женщина.

– Мама, это – Леша.

Так его никто не называл, и Леха не сразу сообразил, что Леша – это он. А сообразив, кивнул:

– Здравьете.

– Леша, это моя мама. Вероника Сергеевна.

– Это вам, – Леха протянул было пакет, но потом сообразил, что для такой маленькой женщины пакет может быть тяжелым. – Куда отнести?

– На кухню, будьте добры. Аля, проводи гостя. И папу зови. Пирогы готовы. Алексей, вы любите пироги с яблоками? Домашние, конечно, но...

Кухонька оказалась небольшой, но уютной. Желтая плитка с белыми ромашками. Рыжие шкафчики и круглая люстра, словно частное солнце. Чужой дом, не похожий на Лехин, в котором места много, но почему-то от этого тоскливо становится. Здесь и шелохнуться страшно – вдруг заденешь полочку с крохотными фигурками. Или обрушишь узкий шкафчик. Или поломаешь такой хрупкий с виду стул.

– Ванная – прямо по коридору. Иди мой руки, а я папу позову.

Алина покраснелась.

Во что он ее втягивает? Дура, ну так это же не дает Лехе право лезть в ее мирок. Тут вот пироги с яблоками домашние. И чайник, разрисованный пионами. Салфетки кружевные и махровые полотенца для рук. Надо бы ремонт сделать, но...

Не Лехины проблемы.

К его возвращению семейство уже собралось. Вероника Сергеевна накрывала стол, во главе которого восседал высокий, но очень худой мужчина в клетчатой рубашке.

– Леша, это мой папа.

– Борис, – сказал папа, протягивая руку. Рукопожатие оказалось неожиданно крепким. – Верочка, солнышко, да перестань суетиться.

Вероника Сергеевна лишь отмахнулась.

– Аля, пироги достань... ты бы хоть предупредила, что ли. Я бы торт испекла. И вообще... выгляжу ужасно.

– Верочка, – Боря указал Лехе на место у подоконника. Вот теперь думай, как бы цветочки не порушить. Или штору не порвать. – Ты всегда выглядишь

великолепно.

Пироги были пышными и с какими-то замысловатыми узорами поверху. Запеченные до темно-золотистого цвета, они разламывались под ножом на крупные ломти. И запах яблок, корицы стал ощутимей.

– Вы предпочитаете чай или кофе?

– А по... – Леха хотел сказать, что ему по фигу, чего нальют, но смутился под строгим взглядом. – Пожалуйста, чай. Если можно.

Алина хихикнула. Весело ей, выходит? Может, она вообще Леху сюда приволокла для того, чтоб повеселиться. Но вот перед Лехой появилась тарелка с ломтем горячего – он потрогал – пирога и хрупкая высокая чашка чая.

Алина же, присев рядом, как-то очень уж близко, но кухонька была такой, неуместительной, взглянула на руку с кольцом, потом на отца и жалобно сказала:

– Mam, пап, я замуж выхожу... в субботу.

Тихо стало. Так тихо, что Леха испугался – не оглох ли. И тишина длилась-длилась, а потом Вероника Сергеевна сказала:

– Алина, подобного я даже от тебя не ожидала.

Алина сразу съежилась.

– Боря, ты почему молчишь?

– Ну... – Боря потер переносицу. – Поздравляю.

– Что?

– Поздравляю, – повторил он. – Солнышко, ну ты сама же говорила, что чудо, если Аля замуж выйдет. Чудо случилось. Чего сердиться?

Вероника Сергеевна открыла было рот. Закрывает. И села за стол.

– Мам... – голос у Алины жалобный, и руки дрожат. Леха накрыл ладошку своей, чтоб не тряслась. Не побьют же ее тут. Леха не позволит.

И почему это – чудо? Чудо, что она до сих пор не вышла.

– Это безответственно! – Вероника Сергеевна перевела взгляд на Леху. – Ты бы меня еще после свадьбы в известность поставила.

И вроде бы не кричит – к крику Леха привычный, – но пробирает до костей. Лехе прямо стыдно стало.

– Я виноват. Хотел сюрприз сделать. Ну она ж вроде как согласилась. Я и подсуетился, чтобы по-быстрому все было готово. Осталось только поехать и подписи поставить.

В глазах Вероники Сергеевны Леха выглядел непроходимым идиотом. Так даже у Кары смотреть не получалось, а уж в ее арсенале имелось взглядов всяких.

– То есть о нас вы подумать не удосужились?

– Солнышко, ну хотел мальчик как лучше.

– А получилось – как всегда.

Мальчиком Леху давненько не называли, но почему-то было не обидно, скорее смешно. И вправду, получается, Леха людей обидел. Но он не нарочно...

– И что теперь делать? – Вероника Сергеевна спросила это как-то жалобно.

– Радоваться, – ответил Боря.

Радоваться у Вероники Сергеевны не получалось. Она смотрела, как муж разливает коньяк, морщилась, вздыхала и пила лишь чай маленькими глоточками. Хорошо, хоть не прогнала.

- Жить вы где будете? - спросила она.

- Так у меня дом есть. Большой.

Коньяк оказался на удивление неплохим. А пирог и вовсе поразительно вкусным, Леха таких в жизни не пробовал. Наверняка это неправильно и не по-благородному закусывать коньяк яблочным пирогом, но уж больно он хорош.

Только все хорошее быстро заканчивается.

- Еще хотите? - голос Вероники Сергеевны потеплел.

- А можно?

Кара говорила, что просить добавки не принято.

- Конечно, можно. Вы вообще ужинали?

- Ага. В пиццерии.

- Господи, Алина! Ты с ума сошла тащить Лешу в пиццерию. Я же мясной рулет делала! Хотите?

Леха хотел. И мясной рулет, который полагалось закусывать тонкой сухой лепешкой с чесноком. И маринованные баклажаны... только было несколько неудобно. Решат, что Леха вечно голоден. Оно в принципе верно, как-то у него не получалось надолго наесться. Он же здоровый. Ему много надо.

- А ваши родители в курсе? - Вероника Сергеевна села рядом с мужем, и тот обнял ее.

Странно как.

Зачем?

- Неа. Умерли. Давно уже.

Когда Леха только-только поднялся. Он собирался их переселить в хату попримочнее и в клинику отправить, чтоб закодировали. А они взяли и померли.

Назло Лехе.

- Друзей у меня тоже не особо. Так, деловые партнеры.

- Алька, а ты Дашке сказала? Надеюсь, ты понимаешь, что она захочет быть свидетельницей? И платье... мне надо платье выбрать. Ну вот как мне за три дня платье выбрать?

- Так завтра надо ко мне подъехать. Ну, в магазин. Там платьев много... подберут чего надо. Я скажу своим.

От съеденного и выпитого клонило в сон. И надо бы убираться, но Лехе лениво. Он готов дремать на этой кухоньке, где еще пахнет едой и тепло.

- Вызвать такси? - поинтересовалась Алина, пнув его под столом.

- Аля, ну какое такси? У тебя диван раскладывается.

- Но, мама...

- Не делай из меня ханжу. Верно, Боря?

Боря доразлил коньяк. И ведь доза была несерьезной, Лехе случалось принимать и больше под куда менее серьезную закуску, но тут что-то повело.

- Ты останешься? - поинтересовалась Алина тоном, который не оставлял сомнений, что не желает она видеть Леху на собственном диване.

- Ага, - ответил он. - Спасибо, Вероника Сергеевна.

Второй пинок был ощутимей первого. Хорошо, что на Альке тапочки, а не сапоги, вроде тех, с металлическими носочками, которые Кара любила.

- Ты... ты... - Алина шипела, как рассерженная кошка, тыча Лехе пальцем в грудь. - Что ты себе позволяешь?

- Успокойся, - ее хотелось сграбастать в охапку и держать, пока не уgomонится. - Я просто спать хочу. Устал как собака.

- Со мной?

- С тобой. Ты же невеста.

В ее комнате не было розовых рюш, да и вообще никаких рюш. Зато имелся плед из кусочков ткани и смешные длинные подушечки. Низкий табурет и зеркало в раме, которое поворачивалось вокруг оси. Леха крутил зеркало и туда, и сюда, глядя, как меняется отражение комнаты. Потом помог разложить диван, хотя Алина гордо о помощи не просила. Она же сунула ему упакованную зубную щетку с медвежонком и полотенце, сказав:

- Ванную комнату сам найдешь.

Когда Леха вернулся, она была уже в пижаме, мягкой, поношенной и оттого уютной. Особенно пчелки на спине порадовали. Сидя на полу, Алина заплетала волосы в косу.

- Зачем? - Лехе хотелось потрогать эти волосы еще раз. Но сегодняшний лимит наглости он, кажется, перебрал.

- Чтоб в колтуны не сбились, - Алина перехватила косу резинкой. - Или чтобы ты не выдрал. Ты маме понравился... она любит готовить, а никто не ест. Ну столько, сколько она готовит.

- Вкусно.

- Ага. Только много.

Леха присел на край дивана, уже застеленного. Идея остаться показалась вдруг нелепой. Чем его собственная кровать не устраивала? Она большая. А здесь как

двоим разместиться?

– Кто она у тебя?

– Учитель младших классов. А папа – доктор наук. Нейрофизиологией занимается. У него все мысли в работе, и, если бы не мама, он бы вообще не замечал, что происходит. Зато у меня биология на «отлично» была всегда. И химия тоже. А бабушка – архивариус. Ты с ней позже познакомишься.

Вот как-то с бабушкой-архивариусом Леху вообще знакомиться не тянуло. Хватит с него папы-профессора. Он их иначе представлял.

– А мой папаша слесарем был. Пятого разряда, – Леха сказал это из вредности. Кару его пролетарское происхождение злило. Она считала, что упоминать о подобном – верх бестактности. Алина же пожала плечами и велела:

– Спать ложись.

От постели пахло мятой. От Алининых волос – осенью. И Леха потерялся было носом о шею, но получил локтем в живот.

– На пол сгоню, – пообещала Алина. – Или маме пожалуюсь.

Сама же хихикнула. И Леха, не выдержав, заржал.

– Может, по-настоящему поженимся? – предложил он, отсмеявшись. – Ты прикольная.

– Ну уж нет.

Конечно, кто такой Леха, чтобы за него пошла профессорская дочка, у которой мама печет пироги с яблоками и делает мясные рулеты, а бабушка – вообще архивариус, что бы это ни значило.

– Ничего не бойся, – Леха повернулся к Алине спиной. – Я сумею тебя защитить.

– От чего?

– От всего, – сказал он отключаясь.

Жанна старалась.

Отныне каждое ее утро начиналось так: лишь проснувшись, Жанна вставала с постели и в одной сорочке спешила к зеркалу. Она разглядывала собственное отражение ищущим взглядом, пытаясь вызвать то прекрасное, что, по мнению отца, скрывалось в ее неловком теле. Повторяя себе, что красива, Жанна заставляла себя верить этим словам.

Матушка смеялась над нею.

И прислуга переглядывалась, пряча улыбки.

Бедную девочку жалели, считая, что будто бы таким образом она не добьется ничего, кроме душевного расстройства. К чему спорить с Всевышним?

Ее старые знакомые – она пыталась уверить и их – вовсе веселились.

– Дурочка! Дурочка! – кричали они и, подхватывая комья грязи и навоза, кидали в Жанну.

Это было обидно.

Единственным, кто по-прежнему помогал ей, был отец.

Когда Жанне исполнилось девять, матушка ее, решив раз и навсегда определить судьбу дочери – пусть выкинет наконец из головы эти глупые кривляния перед зеркалом, – взяла ее к гадалке. Мадам Лебон была известна всему Парижу. Рожденная среди цыган, она давным-давно оставила кочевую жизнь, сменив кибитку на уютный особняк, купленный, по слухам, одним из многочисленных любовников. Мадам была хороша в молодости. Ее горячая кровь и гордый нрав служили приманкой для глупцов, которым казалось за счастье завладеть такой женщиной.

На самом деле именно мадам владела ими, выпуская лишь затем, чтобы освободить место в сердце для другого. Когда же выяснилось, что и над нею властно время, она вспомнила о своем цыганском прошлом и, пусть бы имея возможность не трудиться – капиталов, скопленных в молодости, хватало на безбедную жизнь, – занялась гаданием. И делала это столь успешно, что слава ее понеслась по Парижу.

Утверждали, что предсказанное ею сбывается точь-в-точь.

Жанна запомнила запах – отвратительный удушающий смрад свечей и благовоний. Полутемную комнату, где все будто бы двигалось – доверенная служанка мадам Лебон дергала за нити, заставляя шевелиться шелковые пологи, что производило неизгладимое впечатление на клиентов.

Сама мадам сидела, облаченная в шелка. Ее смуглое лицо в полутьме казалось неживым, как и сама она, неподвижная, словно статуя. И лишь движения ресниц выдавали, что статуя жива.

– Садись, – сказала она, указав на простой стул. – Зачем ты пришла?

Голос ее звучал глухо, отчего у Жанны внутри все перевернулось. Ей захотелось сбежать и спрятаться, пусть бы и под столиком, на котором лежал круглый шар. В нем-то мадам Лебон и прозревала будущее.

– Я пришла узнать, какая судьба ждет мою дочь.

Луиза Мадлен была знакома с мадам в прежней ее жизни и неприятно поразилась тому, как время изменило эту женщину.

– Ты тоже стареешь, Луиза. Ты отчаянно пудришься, но морщины уже не скрыть, как и годы, которые живут в твоих глазах. Смирись. Взгляни на себя истинную и отпусти прошлое.

– Я пришла узнать, какая судьба ждет мою дочь, – Луиза не желала думать об услышанном. Она стареет? Нет, конечно, когда-нибудь она постареет. Но это случится еще не скоро! Сейчас она красива. Да, ей приходится пользоваться пудрой и румянами, рисовать брови и чернить ресницы, но все так поступают!

– Судьба... – мадам Лебон повернулась к Жанне. – Иди сюда, девочка.

И послушаться голоса было невозможно. Жанна сделала шаг и другой, пока не оказалась у самого стола.

– Дай свою руку.

Пальцы мадам Лебон больно сдавили запястье. Цыганка позабыла про карты и шар, но лишь глядела на бледную ладонь, в переплетениях линий выискивая приметы грядущего. И с каждой секундой молчания Жанне становилось лишь страшнее.

– Твоя дочь решила взять другую судьбу. И у нее получится. Но своей уже не будет. Когда она захочет отступить, судьба не позволит сойти с дороги предназначения. Она будет носить титул маркизы. Однако ей будут отдавать почести, какие отдают герцогине.

– Разве такое возможно?

Луиза Мадлен ожидала услышать что угодно. Нет, конечно, она не хотела для дочери ужасной судьбы – обыкновенной. Замужество. Дети. Спокойная жизнь... скучный супруг... как у всех.

– Возможно, – пальцы разжались, и Жанна поспешно спрятала руку за спину. – Твоя дочь станет фавориткой короля. Иногда она будет счастлива.

– Ты... ты уверена?

– Уходи, – мадам Лебон закрыла глаза.

– Нет, скажи, ты уверена?

– Я сказала, что увидела. Уверена ли? Не знаю. Не моя вера все решит. И не твоя. Только ее.

Конечно, матушка не могла умолчать о столь удивительном предсказании. Она тотчас послала записку к Норману, но он ответил сдержанно, дескать, не верит гадалкам, но знает, что дочь его достойна самой лучшей судьбы. Однако, погруженный в собственные дела и, как подозревала Жанна, занятый не только ими одними, он стал появляться в доме нечасто. Это обстоятельство донельзя испортило матушкин характер.

– Глупая девчонка, – пеняла Луиза Мадлен, когда случилось ей встретить дочь. – Посмотри, как ты стоишь! Спину держи прямо. И не горбись! Ну что у тебя за манера дергать руками?

Жанна хотела бы не слушать матушкины речи и отвлекала себя тем, что разглядывала ее лицо – лицо стремительно стареющей женщины. Время будто вознамерилось посчитаться с Луизой Мадлен за все те годы, когда она столь неосторожно тратила себя на мужчин. И какова была благодарность?

Где все те, кто клялся ей в вечной любви?

И муженек, в которого Луиза Мадлен вложила столько усилий? Сбежали. Променили ее на других красоток. Обиды, возникающие из ниоткуда, призраки прожитых дней мучили Луизу Мадлен, вынуждая ее искать утешения в вине. Пьянея, она добрела и принималась жалеть себя, а заодно и дочь.

– Не переживай, милая, – говорила она, с мстительной радостью наблюдая за тем, как вертится несчастная Жанна у зеркала. – И что с того, что ты некрасива? Красота скоротечна. Сегодня она есть, а завтра уже и нет... послезавтра о тебе и вовсе забывают. Не верь мужским обещаниям.

Луиза Мадлен всхлипывала, представляя себя несчастной обманутой девой, соблазненной и брошенной, потом вспоминала, что это совсем не так, и вновь принималась за поучения.

– Будь умнее мужчин. Позволяй им думать, что ты глупа и беспомощна.

– Зачем?

– Чтобы они чувствовали себя умными и сильными. Позволяй им заботиться о тебе. Представляй это высшим достижением их никчемной жизни...

Порой Луиза Мадлен забывала, о чем говорила прежде. Ее плаксивый голос стоял в ушах Жанны, повторяя, что женщина не имеет права терять голову от любви и вообще по какому-либо иному поводу. Что следует быть осторожной, как лиса, и столь же хитрой. Что притворство – вот истинная суть женщины. И если Жанне нужен мужчина, то Жанне придется стать именно такой особой, какая этому мужчине необходима.

Смеяться, когда хочется плакать.

И плакать, если душит смех.

Быть искренней в своей игре... и считать, стоит ли эта игра усилий.

Пожалуй, все было довольно-таки странно, но Жанна запоминала.

Норман же, которому довелось однажды стать свидетелем пьяного монолога бывшей любовницы, выслушал его крайне внимательно, а затем сказал так:

– Твоя мать ныне попустила себя, но это вовсе не значит, что она глупа. Луиза Мадлен всегда была умнее многих женщин. И если ты хочешь, то слушай ее. Она говорит тебе правду. Только, милая моя девочка, эту правду тебе придется скрывать ото всех. Люди, желая видеть перед собой прекрасную бабочку, вовсе не хотят думать о гусенице, которой та когда-то была.

– Да, Норман.

Он попросил не называть его отцом, поскольку Жанна уже должна понимать, сколь важным в нынешнем мире является факт законности ее рождения.

Норман не сомневался, что будущее его дочери будет блестящим.

Сначала человек решил, что Кара вернулась.

Невозможно!

Кара мертва и спрятана надежно. Ее уже не ищут, потому что Леха велел поиски прекратить. Запил, несчастный. А протрезвев, сам исчез, но ненадолго. Объявился вот.

Случайная встреча, но у судьбы случайных встреч не бывает! И эта пара не зря заставила человека остановиться, оглянуться и отпрянуть в ужасе.

Кара. Так близко... и рядом с этим. Держится за его руку, словно боится упасть. Кара всегда крепко держалась на ногах. А эта... просто похожа.

Ну конечно, похожа.

Где Леха ее раздобыл? И болезненный интерес подтолкнул ближе. Человеку хотелось убедиться, что сходство исчезнет. Но оно лишь усилилось. И все-таки... свитерок на девочке был дешевый. И джинсы – Кара никогда не надела бы джинсы. Ботиночки убогие. Сумочка.

А главное – взгляд. В этих глазах не бездна, но омут.

И тот же вызов: поймай, если сумеешь.

Удержи.

Он попробует...

Алина провела ночь, ворочаясь с боку на бок. Было тесно, жарко и еще стыдно. Во-первых, за то, что она так легко впустила на собственный диван незнакомого, по сути, типа. Во-вторых, за то, что тип этот продолжал Алине нравиться, хотя после всех его выходок ей следовало бы преисполниться праведного негодования. В-третьих, за обман – мама и папа его не заслужили. А еще есть Дашка... и бабушка.

Леха же спал спокойно.

Не храпел, что само по себе являлось достоинством. Не пихался локтями. И вообще вел себя образцово. Наверное, потому что спал.

Во сне он выглядел беззащитным, что было смешно – с его-то габаритами. Крупный, но не толстый, скорее мускулистый, но не сказать, чтобы накачанный. Симпатичный, чего уж тут.

И Таське нравится – улеглась над плечом, урчит тихонько да ухо обнюхивает. Значит, хороший человек. И если бы не вся эта затея...

По-настоящему поженимся.

За кого он Алину принимает? А за девицу, на деньги падкую. И получается, что прав.

Алина вздохнула и выбралась-таки с дивана. Шесть утра... мама уже на кухне колдует. Не следует лезть ей под руку и под вопросы, которые она станет задавать уже без оглядки на Лехино присутствие. Остается переползти в кресло и, закрутившись в плед, – Алина только-только дошла его – заняться делом. Дело было не срочным, да и вообще не делом даже, а так, стойким увлечением. Дашке оно не нравилось. Современные девицы не проводят часы за шитьем. А если и делают это, то для придания облику пущего романтизма и на машинке.

Машинка – это не то. Руками интереснее. И голова от мыслей освобождается. Например, можно подумать над вчерашней, явно случайно фразой. Почему Леха думает, что Алина испугается?

И от чего защищать собрался?

Не выйдет ли так, что Алину просто-напросто подставляют?

Скорее всего... отказаться? Поздно. Мама не приемлет отступлений. И сослаться на ссору не выйдет, а рассказать правду и того страшнее. Мама разочаруется в Алине, которая продала себя, как... как проститутка и продала. Бабушка сказала бы мягче – падшая женщина.

И протянула бы кружевной платок слезы утереть.

Но бабушки не было, и падшая женщина Алина, забравшись на кресло-мешок с ногами, шила заячье ухо.

- Привет, - сиплым голосом сказал Леха. Он переложил Таську, которая подобное самоуправство в людях пресекала, но тут позволила себя погладить, перевернулся на живот и подпер кулаками подбородок. - Чего творишь?

- Шью. Доброе утро. Как спалось?

- Нормалек. А чегошьешь?

- Зайца.

Ох, Алине следовало бы переодеться. И умыться. И вообще привести себя в порядок.

- Зачем? - Леха моргал и щурился спросонья.

- Просто так... хобби у меня такое. Вон, - Алина указала на зайчиху в нарядном платьице, отделанном кружевами и бусинами. - Ей скучно одной.

- Прикольно, - дотянувшись до игрушки, Леха снял ее с полки. - Ты сама ее сделала?

- Да.

Вот самая подходящая тема для утренней беседы.

- Естественно сама? И все-все? - он осторожно перевернул игрушку вверх ногами, заглянув под юбки. - Оба! И штанцы есть.

- Панталоны, - если Алина засмеется, то обидит Леху. - Это приличная зайчиха.

Смеялись вместе. С ним легко смеяться и вообще... жаль, что все получается именно так, как получается. Исправлять, наверное, поздно. Но раз уж Алина решила пасть, то почему бы не получить от процесса удовольствие?

– Стой, – Леха пошарил по полу и поднял телефон, – сиди так. Да не дергайся, классно выйдет.

Алина фотографироваться не любила – не получалась никогда, но Леха ведь не послушает. Он щелкнул и повернул экран к Алине, демонстрируя снимок.

– Говорил же, классно выйдет... ага, сейчас.

Он что-то нажимал, вполголоса ругаясь, что телефоны пошли несерьезные, с кнопками мелкими, по которым попробуй попади. И функций понапихали, что не разобраться... он прячет фотографию, что ли? Боится, что Алина ее удалит? Зря. Она в жизни в чужой телефон не заглядывала и заглядывать не станет.

– Там, наверное, завтрак готов, – она убрала заячье ухо в шкатулку. – Мама не любит, когда к завтраку опаздывают.

– Тогда не будем. Нам еще платья выбирать.

Ох, наверное, получится неудобно. Он же от чистого сердца предложил помощь, но Алина сомневалась, что спортивная одежда производства Лехиной китайской фабрики подойдет маме в качестве праздничного наряда.

– Леша, пожалуйста, не обижайся...

– На что?

Он встал и потянулся, смачно, до хруста в костях.

– Но мы, наверное, сами справимся... проедемся по городу. Заглянем в магазины... мама подберет себе что-нибудь.

– Не, – он мотнул головой. – Что-нибудь не годится. Надо хорошее. А у меня – самое лучшее. И эту свою... подружку свистни. Да и самой тебе надо бы гардеробчик сменить.

На футболку «Пума» и штаны с лампасами?

- Да не бойсь, Алька. В моей «Ассоли» дерьма не держат.

- «Ассоль»?

Ему принадлежит «Ассоль»?

Пафосный бутик с безумными ценами?

- Ну, Алька, - Леха натянул штаны и свитер. - Я ж не совсем debil. Я понимаю, где приличный прикид подбирают.

Ох, как щеки вспыхнули, и нос зачесался - верный признак, что красна Алина, как помидорина. Леха только хмыкнул.

- Подружке своей звони. И бабке... знакомиться, так со всеми.

К вящему удовольствию мамы, от горы тонких кружевных блинов ничего не осталось. И сложный фруктовый крем ушел весь. Леха разве что не урчал, как кот.

Таська глядела с одобрением.

Урчащие люди ей импонировали.

А Дашка, услышав про свадьбу и «Ассоль», только и смогла сказать:

- Еду.

Пока Алина собиралась, Леха успел сделать пару звонков.

- Але, Егорка? Ага, это Леха. Получил фотку? Ну как? Говорил же, что она у меня красавица... точно. Не, коса своя. Толстенная такая! Просто чудо... да. Чего подарить? А не знаю, подари чего-нибудь. Ты ж умный, сам придумаешь... не, мы сейчас за нарядами поедем.

– Привет, Максик. Скажи, мне с невестой подфартило? Чего? Похожа? Ну... вкусы у меня, значит, такие, испорченные. Не трясись ты, она другая. Ну добрая. Не веришь? Тогда сиди и трясись. На свадьбе чтоб был. И главбухшу нашу позови. Нет уж, сам позови. Я ее боюсь.

– Да... Славик, я не идиот! Да, знаю, что ты едешь... вот приедешь, и поговорим. А сейчас не ори. Все одно будет так, как я сказал! Почему? Потому что я так сказал! А Леха от слов своих не отступает.

– Мишаня... ну и что скажешь? Ага, самый мой типажик. Сашка бесится? Ничего, перебесится, давно пора бы... я ей ничего не обещал, сама все придумала. Короче, будешь? Вот и молодец. Пашку свистни... ладно, я сам.

– Пашка, утречка тебе доброго. Разбудил? Леха, Леха, кто тебя еще в такой час с койки сдернет. Я тебе там фоточку кинул... чего? Ну ладно, как хочешь. Я тут с тобой радостью делюсь, а ему спать... ну и что, что ночная? Я ж тебе давно говорил: иди ко мне работать. Кем? Да кем-нибудь. Потом придумаем, если желание будет... а в субботу жду.

При дневном свете девица еще больше походила на Кару. Фигура. Лицо... а выражение лица виноватое. Она смотрит то на Леху, то на изящную женщину в синем плаще, словно разрывается между этими двумя.

Человек боролся с желанием подойти ближе. Заглянуть в глаза. Коснуться щеки, убеждаясь, что она тепла. Убрать вот эту прядку со лба.

Ей страшно? Он бы утешил. Сохранил. Спас ее ото всех. Кару не сумел, но эта – другая.

И надо лишь решиться.

Дождавшись, когда Лехина машина покинет стоянку, он подойдет к подъезду и будет ждать случайной встречи. Он пропустит юношу вида безумного. И нервную мамашу, которая не удостоит его и взглядом. Но остановит старушенцию с дряхлым шпиком на руках.

– Извините, пожалуйста. Я девушку ищу. Она в этом подъезде живет. Такая высокая. Статная. С косой.

– Алина, что ль?

Алина. Какое мягкое, нежное имя. Ей подходит.

– А вы кто? – спохватится старуха.

– Мне по делу... – он замнется, словно раздумывая, стоит ли излагать это дело незнакомому человеку. И старуха решит все сама.

– Кавалер, что ли? На свадьбе небось увидел, а спросить постеснялся... экие вы ныне нерешительные. В тридцать второй живет. Смотри, – старуха погрозила пальцем, и шпиц зарычал. – Хорошая девка. Не обижай.

Он и не собирался.

Она и вправду хорошая. И все у них будет чудесно. Надо только лишних убрать.

Дашке Леха не понравился: она пришла в совершеннейший ужас и несколько секунд просто стояла, разглядывая его. А потом икнула, схватила Алину за руку и, ткнувшись носом в ухо, зашипела:

– Ну ты даешь!

– Леха, – представился Леха. И Дашка фыркнула.

Они неплохо смотрелись бы вместе. Дашка – высокая, модельной фигуры, с узким лицом, острые лисьи черты, которого подчеркивает стрижка. И Леха...

Алина лишняя.

Она просто работу работает. И не следует забывать об этом.

- А это и вправду твой магазин? - поинтересовалась Дашка.

- Ага.

И ушел, оставив Дашку и маму наедине с продавцами.

- Знаешь, - Дашка ущипнула себя за ухо. - Подозрительный тип... где ты его выцепила?

Сказать ей, что свадьба эта - фиктивная, что Леха сделку предложил и Алина согласилась? Вряд ли Дашка порадует за подругу.

- Радость моя, - Леха не позволил сомнениям развязать Алинин язык. - Идем...

Он потащил ее за спрятанную среди панелей дверь в кабинет, где белым саваном возвышалось подвенечное платье. Одного взгляда хватило, чтобы Алина поняла: она скорее умрет, чем наденет это.

Платье было кружевным, облегаящим и почти прозрачным.

- Нравится? - поинтересовался Леха.

- Кошмар.

Развод. Немедленно. И кольцо Алина вернет. Лучше уж гордо воевать за выживание ее агентства, нежели раз и навсегда себя опозорить. И Леха, кажется, понял. По выражению лица. По затяжному молчанию. По ужасу в глазах.

- Карина сама выбирала, - Леха присел на краешек дивана и сгорбился. - Что, совсем никак?

Алина замотала головой. Никак. Совсем. И никаким местом. Эта неизвестная ей Карина вряд ли понимает, что творит. В подобном наряде уместно показаться даме легкого поведения, но никак не почти приличной девице.

- Оно дорогое, - привел последний аргумент Леха.

- Леша, - Алина присела рядом и неожиданно для себя самой погладила его по лохматой голове. - Ты прости меня, пожалуйста, но это... совершенное зло.

- А другое сшить не успеют.

Человек приятное сделать хотел. Правда, весьма сомнительное удовольствие - надеть платье сбежавшей невесты, пусть бы и в этом свадебном розыгрыше.

- А не надо шить. Мы подберем что-нибудь... в магазине ведь найдутся светлые костюмы. Можно брючный...

Мама будет возражать, но лишь до тех пор, пока не увидит платье. Алина не была уверена, что его стоило показывать, все-таки ей дороги и мамины нервы, и Лехина репутация.

- Аль, а где ты раньше была? - Леха наклонился и потерся лбом об Алинино плечо.

- В смысле?

- Без смысла. Просто раньше... Может, все-таки примеришь?

- Ни за что. Ты мне еще свой костюм покажи.

Против ожиданий, костюм оказался весьма приличным. И Лехе шел, хотя, несмотря на строгий крой пиджака, Леха умудрялся сохранять вид раздолбайско-разбойничий.

Для Алины же под мамины вздохи и Дашкино неодобрительное молчание подобрали платье-футляр из плотной молочно-белой ткани.

- Совершеннейшее безумие, - сказала мама, словно удивляясь тому, что принимает в нем участие. - Надо у бабушки жемчуга забрать...

– Так это, – Леха в процессе выборов сидел тихонько, не вмешиваясь и не поторапливая. – Может, купим просто?

Но здесь Вероника Сергеевна была непреклонна.

– Семейная реликвия, – пояснила она, прикладывая к глазам платочек. – Бабушка будет рада, если ты их наконец примеришь.

Ну, жемчуга Алина мерила не раз и не два. Она могла бы рассказать про каждую жемчужину на длинной нити ожерелья. На первый взгляд неотличимые, подобранные с величайшим умением, они все-таки разнились друг от друга. Она знала все царапины, следы времени, и крохотные неровности, и то несовершенство, которое делало вещь уникальной.

Но... как можно надевать подобные жемчуга на эту свадьбу?

И как объяснить собственное нежелание?

Оставалось надеяться, что Леха бабушке категорически не по нраву будет.

Бабочки. Во всем виноваты растреклятые бабочки, которые снились Лехе по ночам. Он открывал ящик стола, а из него вылетали бабочки. Звенели золотые крылья. И в звоне этом слышался издевательский смех Кары.

– Чего еще тебе от меня надо? – спрашивал Леха, отбиваясь от бабочек. Он хватал их, сминал в кулаке, разрезая острыми крыльями кожу. И Кара смеялась громче.

– Найди меня.

– Да на кой ляд ты мне сдалась!

Бабочки садились на плечи, руки, грудь, и Леха задыхался.

– Найди, найди... – продолжала Кара.

Он просыпался в холодном поту и заставлял себя дышать, потому что слипшиеся легкие не желали принимать воздух. Хорошо не орал и не метался – было бы разговоров.

А потом Леха получил посылку. Самую обыкновенную – ее принес почтальон, седоватый мужик равнодушного вида. Он долго объяснялся с охраной, и когда та все-таки пустила, то высказал Лехе недовольство тихим гнусавым голосом. Сунул бумажку расписаться и протянул коробку.

– Нате вам, – уходил почтальон ссутулясь, подволакивая ногу.

Леха же рвал оберточную бумагу.

Коробка. И в коробке другая. И третья. А в ней – мелко нарезанная бумага, среди полосок которой – золотая бабочка. Та самая, с которой Кара не расставалась.

– Она делает меня мною, – призналась как-то Кара. – Но что ты понимаешь...

Ничего. Лехе нравилась бабочка. И Кара. И вместе они тоже. Кара носила ее, правда, не в волосах – цепляла как подвеску, втыкала брошкой в платье, привязывала на шнурочки и один раз вовсе к сумке привесила. А потом взяла и пропала. Вместе с бабочкой.

Леха даже не знал, кого из двоих ему больше жаль. Сперва-то он вообще ничего не понял, кроме того, что его бросили. А ведь договорено все было! И он старался. Он делал все, что говорила Кара. И не мешался ей, хотя порой очень даже мешаться тянуло. Но Леха себя преодолевал.

Самосовершенствовался.

А его бросили.

От обиды, несправедливости он запил. Ну и от злости тоже, потому как выходило, что все его мучения – зряшные. И пил с неделю, скорее из упрямства, потому как обида не отпускала даже во хмелю. А протрезвев, поклялся больше не связываться со стервами.

Но стали сниться бабочки.

Золотые. С острыми крыльями, рассекавшими руки до крови. И Карин голос, требовавший найти. Ну а потом вот посылка... и как-то сразу стало понятно, что Кара не сама ушла. И что вряд ли она вернется. Тогда-то и появился план.

Единственное, чего Леха не учел, – того, что Алина будет... такой.

И даже не сама она.

Ее отец запросто с Лехой коньяк пил. А мама утром блинчиков нажарила, тонких, невесомых каких-то. А потом галстук помогала выбирать, потому что предыдущий, по ее мнению, с Лехиным образом не сочетался. Он и знать не знал, что у него образ имеется.

Но стоял тихо, позволяя завязывать галстук за галстуком, мучаясь совестью, что втягивает их в свои дела. И тут же давал себе слово: Алину обидеть не даст.

И развестись с ним не позволит.

Конечно! Леха даже просиял от такой мысли. Договорчика-то они не подписывали. И значит, Алина для всех взаправду женой будет. Ни один суд не разведет с первого раза... и вообще не разведет.

Леха умеет беречь то, что принадлежит Лехе. Осталось убедить в этом Алину. Ну и Алинину бабу.

Если Вероника Сергеевна показалась Лехе строгой, то Елизавета Александровна и вовсе взглядом выморозила. Она была высокой, худой и какой-то ледяной от макушки до самых пяток. Снежная королева просто. В старости. И возраста не скрывает.

– Свадьба – это хорошо, – а по голосу ее и не скажешь, что рада. – Несколько поспешно, однако... с другой стороны, твой прадед, Алина, вовсе жену из отчего дома умыкнул и в ближайшей церкви к венцу повел. Решительным был... весьма.

Леху усадили в кресло, все такое изогнутое и очень ненадежное с виду. Повернуться страшно – еще поломаешь и точно беды не оберешься. Старуха села напротив и, водрузив на нос очки, разглядывала Леху. Он терпел.

– Интересный экземпляр.

– Бабушка!

– Мама, вы и в самом деле несколько перебарщиваете, – нарушила молчание Вероника Сергеевна. – Алексей – достойный молодой человек.

Бабы за Леху еще не заступались.

– Эмоциональный очень, – покачала головой Елизавета Александровна. – Но возможно, и к лучшему. Свежая кровь – единственное лекарство от вырождения.

Леха ничего не понял, кроме того, что старуха его одобрила.

Вот как выходит? Он платит за все. И с Алькой договорился. Но трясется, будто бы и вправду нищеврод с большой дороги.

– Что ж, Алина, надеюсь, ты представишь своего супруга собранию.

Еще и собранию? Нет, Леха собраний никаких собирать не собирается. И Алина, похоже, придерживалась мнения сходного.

– Да ни в жизни! Ба, извини, но твои представления – морально устарели. Я это повторяла и буду повторять. Сейчас другой мир.

– Конечно.

Одно слово, а Леха осознал, что нынешний мир, с точки зрения старухи, вовсе не достоин существования. И собственную ничтожность. И вообще испытал острое желание расстаться с этой никчемной жизнью. Он головой тряхнул, от наваждения отделяясь. И пальцы за спиной сцепил.

- Ты можешь думать так, как тебе удобнее. Но я рада, что род Заславских не прервется. Жаль, конечно, что прямого наследника нет, но, полагаю, в нынешних обстоятельствах будет возможна передача титула твоим, Алина, детям.

- Какого титула?

Леха понял, что еще немного, и он вообще свихнется.

- То есть, Алина, ты и рассказать не удосужилась? Меня это крайне огорчает.

Старуха поднялась, и Леха тоже вскочил, до того неправильным показалось ему сидеть, когда она на ногах.

- А вы не так безнадежны, - Елизавета Александровна протянула руку. И Леха, не смея оскорбить ее рукопожатием, поцеловал сухие пальчики. От кожи пахло яблоками.

И желая дать дочери все, что мог, - а возможности его были велики, - Норман нанял учителей.

- Пусть говорят, что женщине достаточно быть женщиной, - пояснил он Жанне свое решение, - но ты не сможешь быть разной, разного не зная.

Помимо музыки и пения, чтения и письма, математики, которую Жанне преподавали отнюдь не по женскому курсу, ей приходилось изучать языки, географию, историю, логику, риторику. И здесь-то выяснилось, что Жанна-Антуанетта обладает цепкой памятью и прекрасно развитым умом.

- Не будь она женщиной, - сказал как-то преподаватель риторики, - сумела бы стать выдающимся политиком. У нее дар убеждения.

- Уверен, - отвечал ему отец, - что у Жанны своя судьба.

По просьбе матери, которая, на время позабыв о собственном горе, принялась вдруг воспитывать дочь, он нанял одну старую деву, весьма известную

строгостью манер, и Жанне вновь пришлось постигать искусство быть женщиной.

Ходить. Садиться. Вставать. Покидать комнату так, чтобы оставшиеся в ней не ощутили грубости. Вести себя за столом... в присутствии особ высшего чина... равного...

Пожалуй, это было сложнее трактатов о политике.

Но Жанна старалась. И усилия ее приносили плоды: отражение в зеркале переставало вызывать отвращение, напротив, Жанна стала видеть себя... иной.

Ее глаза были красивы. И рот имел неправильные, но интересные очертания. Лоб был высок, а нос довольно изящен. Шея была мягка и тонка, а плечи – округлы. Волосы, прежде некоего неясного цвета, обрели приятнейший оттенок шоколада, столь удивительно сочетавшийся с белоснежным тоном кожи.

О да, бабочка изволила появиться.

Ее обучение, да и вся прошлая беспечная детская жизнь завершилась в тот день, когда отец появился в сопровождении хмурого господина самого солидного вида. Этот господин имел трость и высокий парик, напудренный столь тщательно, что казался седым. Черты его лица были благородны, но выражение брезгливого недоумения портило их.

Жанну-Антуанетту, которую для этой встречи нарядили в лучшее платье, он разглядывал долго, пристально, переставляя стекло монокля из одной глазницы и другую.

Жанна стояла, не смея шелохнуться. Она чувствовала некоторую неуверенность отца, и это пугало ее, ведь Норман никогда прежде не демонстрировал этого чувства.

Господин же, обойдя вокруг Жанны, сказал:

– Хорошо. Она подходит.

И после чего удалился степенно походкой человека, который точно никуда не спешит, потому как слишком важен для суетных забот. После его ухода в доме случилось беспокойство. Матушка – ей не позволено было присутствовать – выбежала из соседней комнаты, желая обнять дочь. Луиза Мадлен выглядела совершеннейше счастливой, отчего будто бы помолодела.

– Ах, дорогая, тебе так повезло, так повезло...

Кинулись накрывать на стол, и Норман не спешил уйти – в последний год он заглядывал лишь затем, чтобы передать матушке деньги и удостовериться, что Жанна жива.

Она же не понимала причины этой суеты. А ни отец, ни мать не спешили объясняться, они глядели друг на друга, словно вели молчаливую беседу, и даже спорили взглядами. Матушкин был полон восторженного упрямства, отцовский – сомнений.

– Быть может, – осторожно заметил Норман, – все-таки следует подыскать Жанне супруга? У меня есть на примете хороший человек...

– У нее другая судьба! Особая!

– Луиза, эта судьба предсказана сумасшедшей цыганкой.

Матушка отмахнулась от возражений. Она витала в собственных мыслях и даже мечтах, верно, представляя себе будущий триумф дочери, а заодно уж и собственный, ведь Жанна не справится одна.

Луиза Мадлен видела себя в новом свете – мать маркизы, которой отдадут почести, как герцогине. Она считала призрачное пока богатство, примеряя причудливые наряды, один другого роскошнее.

И отчего Норман не желает осознать, что все это – реально? Мадам Лебон никогда не ошибалась! И на сей раз угадала. Достаточно взглянуть на Жанну-Антуанетту – кто бы еще увидел в том некрасивом ребенке нынешнюю очаровательную девицу? Нет, как на вкус Луизы Мадлен, Жанна была чересчур бледна и худощава, а лицо ее – не более чем миловидно. Но вдруг королю

именно такие и нравятся?

– Норман, – Луиза Мадлен поняла, что, не убедив супруга в правильности выбора, не сумеет достичь цели. – Взгляни на нее. Она ведь красива. И при дворе сумеет найти себе достойного супруга. Пускай ты не веришь в предсказания, но должен признать, что ее внешность, ее манеры и ее ум, который ты непрестанно нахваливаешь, – это и есть тот капитал, который сделает ей будущее. И на кого ты хочешь этот капитал потратить? На какого-нибудь занудного клерка? Неужели ты не желаешь дать дочери шанс на жизнь лучшую, чем была у меня?

Луиза Мадлен всхлипнула. Плакать она не собиралась, зная, что Норман не выносил женских слез. Жанна, до того сидевшая молча, осмелилась спросить:

– Кем был тот господин?

– Это – синдик Ленорман д'Этоль, – сказал отец, как будто бы имя что-то значило для Жанны.

– Он имеет вес при дворе, – матушка сочла нужным пояснить больше. – И способен устроить судьбу молодой девушки...

– Королевский сводник.

Норман был сердит на себя, что поддался уговорам Луизы Мадлен. Он осознавал, что обратного пути не было, ведь Ленорман не поймет отказа. Но сама мысль, что его умная нежная девочка вынуждена будет стать чьей-то любовницей... а быть может, повторить и судьбу матери, сводила Нормана с ума.

Он никому и никогда не признавался, что любит незаконнорожденную дочь с самой первой минуты, с первого взгляда. Ему позволили взять младенца, и Норман осознал, что отныне в его жизни появился высший смысл. И старался делать все, чтобы Жанна не испытывала нужды.

Подумывал он и о женитьбе на Луизе Мадлен – этот шаг позволил бы быть ближе к Жанне, – но после был вынужден отказаться от этой мысли: на кону стояла репутация. А репутация позволяла зарабатывать деньги для Жанны.

И не был уверен Норман, что ей, трепетной мягкой девочке, нужен такой отец.

Он хотел бы рассказать о том, что любит, что всегда будет рядом и поможет, если в том возникнет нужда, но не находил слов. Да и слегка стыдился такой своей эмоциональности.

- Ты перейдешь под опеку господина Ленормана, - Норману хотелось обнять девочку, уверить ее, что все сложится замечательнейшим образом. - Он представит тебя двору и поможет в этой... безумной затее.

- Ну отчего безумной! Если сам д'Этоль посчитал, что у Жанны имеется шанс...

- Он ответственный человек и, полагаю, исполнит обещание, подыскав тебе достойного мужа.

Матушка скривилась: вовсе не замужества она желала для Жанны. Хотя, конечно, муж никогда не был помехой в достижении цели. И в конечном итоге мог бы пригодиться потом, когда король остынет к Жанне. Норман уходил поздно, и Жанна взялась проводить его до дверей.

- Милая, - он все-таки обнял ее, чего не делал со времен давнего-давнего детства, когда Жанна находила в его объятиях успокоение. - Если вдруг тебе там будет плохо, то напиши мне.

- Конечно.

- И если кто-то вздумает тебя обидеть...

- Да.

- И просто пиши...

Он поцеловал ее в щеку.

- Обязательно... папа.

По выражению его глаз Жанна поняла, что это – правильные слова. Она прорыдала всю ночь, предчувствуя расставание, словно зная, что никогда больше не увидит Нормана. Жанна будет писать! Обо всем, пусть бы о самых пустяковых вещах, главное, что ему...

Золотая бабочка лежала на подушке.

Ее Жанна возьмет с собой. Чтобы помнить.

Хуже бабушкиных упреков только бабушкино молчание. Она очень выразительно умеет молчать. Не проронив больше ни слова, Елизавета Александровна удалилась, а вернулась со знакомой шкатулкой.

– Вероника, надеюсь, ты проследишь, чтобы твоя дочь их надела.

И шкатулку китайскую, с секретом, поставила на стол.

Мама поглядела с укором.

Леха вообще растерялся. А виновата снова Алина.

– Ба, ну ты же сама понимаешь...

Приподнятая бровь и укор во взгляде. Ничего она не понимает и понимать не желает. Времена иные? Истинное вечно. А корни родового древа уходят в века, и Алине следует уважать и корни, и века, и все в принципе. Она и уважала.

Только смысла не видела.

– А на свадьбу придете? – поинтересовался Леха, переводя взгляд с Алины на бабулю. И удивительное дело, та кивнула.

– Обязательно. Внучка у меня одна. И я ни за что не пропущу ее бракосочетания.

А после развода наверняка от Алины отречется, потому что достойные дамы не уходят из семьи.

Ох, что же Алина наделала...

– Вы, Лешенька, не переживайте, – мама проводила до порога. – Елизавета Александровна у нас... со своими привычками.

– Вероника, я все слышу!

– Это с вашей стороны крайне неучтиво! – с улыбкой откликнулась мама. – Вы езжайте, у вас, наверное, дела. Алечка, а ты не бери в голову, дорогая. Помирись. Она тебя любит.

В этом и проблема. Все любят Алину. Мама, папа, бабушка, которая со скрипом, но смирилась с Алининой любовью к джинсам и свитерам. Дашка.

Алина же им врет. Из-за денег.

Леха затащил ее в машину. Ехал он молча, то и дело поглядывая на шкатулку, которую Алина сжимала в руках. А остановившись, открыл дверь, хотя не стал для этого из машины выходить – перегнулся через Алину.

– Выходи давай, – велел Леха. – Гулять пойдём. Цацки дай сюда.

Он сунул шкатулку под сиденье без всякого почтения к прожитым ею векам. Алина же вывалилась из машины и обнаружила, что гулять предстоит не по городу и даже не по городскому парку, изрядно ею обжитому: невесты очень любили фотографироваться в обнимку с березками едва ли не больше, чем в обнимку с женихами.

Леха вывез ее за город.

К реке.

Сизая лента ее растянулась от края до края горизонта, и кайма елового леса отделяла ее от сизого же неба. Клонился к берегу желтоватый рогоз. И темная

лодчонка колыхалась, убаюкивая одинокого рыбака.

– Я сюда всегда приезжаю, когда башку проветрить надо, – Леха вдохнул воздух полной грудью. – Тут прям... хорошо.

И вправду хорошо. Воздух сырой, какой-то солоноватый, с привкусом дыма.

– Только тут это... грязно.

Алина заметила. Мягкая земля хранит отпечатки следов. И мокрая трава ложится под ноги, заставляя ступать внимательно, чтобы не поскользнуться. Но Алина все равно поскользывается и не падает лишь благодаря Лехе.

– Спасибо.

– Да завсегда пожалуйста, – он не спешит отпускать. – Гулять лучше по берегу. Там оно... не так ноги намочишь.

Он развернул ее и еще в спину подтолкнул, но отпустил хотя бы. Держался, впрочем, близко. Слишком уж близко. Просто-таки в шею дышал.

– Аль, ну хватит уже, – сказал Леха, когда Алина, перечислив про себя все собственные недостатки, пришла к выводу, что любить подобное лживое чудовище способны лишь самоотверженные люди.

– Ну не сказала и не сказала... – он обнял, не позволив забрести в кусты, крайне неприятные с виду. – Ты мне вообще говорить ничего не обязана. Но если вдруг расскажешь, то я хоть пойму, с чего весь сыр-бор. А не расскажешь, то так и буду дальше идиотом стоять.

– Леш, – Алине очень хотелось опереться на него. Почему-то казалось, что Леха не уронит. – Скажи, а зачем ты притворяешься?

– Я?

Сколько удивления.

– Ты. Ты нарочно говоришь... неправильно. А потом вдруг забываешь и нормальным становишься. И снова. Зачем?

– Ну... я не нарочно. У меня папы-профессора не было. У меня вообще девять классов школы – вся учеба. Да и то прогулял половину. Потом работал и некогда было... а потом стало когда. Я людей нанял, чтоб правили. Как сидеть. Как вставать. Как говорить. Ошибки тоже. Да и вообще. Они и учили. Научили. Только как-то оно поперек горла встало. Ну вроде как я и не совсем чтоб я. Сорвало. Теперь вот клинит.

Девять классов и работа... Алина после девяти классов маялась любовью к парню из соседнего двора. Он был настоящим принцем: высокий, красивый, добрый... хотя видела его Алина издали, но точно знала, что он – именно такой.

А парень взял и женился.

Все лето Алина прорыдала. И почти решила пойти в маникюрши – почему именно в маникюрши, она до сих пор не понимала, – но мама не позволила. Пришлось учиться дальше, хотя и это у нее не слишком-то получалось.

– Так чего там с бабулей? – Леха вновь сделался прежним, и, наверное, это хорошо. Алине надо время, чтобы привыкнуть к нему разному.

– Бабушка – графиня. Папа – граф. Ну и получается, что мама тоже теперь графиня.

Леха молчал, как-то напряженно молчал, переваривая информацию.

– Настоящая? – спросил он странным тоном.

Хорошо, хоть не смеется.

– Настоящая, – вынуждена была признать Алина. – Мой прапрадед когда-то увлекся новыми идеями. Поддержал революцию. Он мог уехать, но остался. Даже воевал за красных. От титула отказался... не знаю, им повезло, что их не расстреляли потом.

- Когда?

- Когда репрессии начались. Там страшно все. Я видела письма... анонимки... и списки расстрельные, которые бабушка для собрания готовила. И рассказывала она много. С ней интересно разговаривать на самом-то деле. У нее как-то получается историю оживлять. Мой прадед был единственным сыном. А дед - его сыном. И получалось, что титул вроде как переходил по прямой линии. И уже дед стал интересоваться тем, кто его предки, в архиве бабушку и встретил. Она тоже искала про своих. Так и сошлись. Появился папа... а потом вот я.

- Графиня? - переспросил Леха.

Алина кивнула.

Так ее и прозвали. С насмешечкой. Графиня - жена графина, того самого, в который воду наливали.

- Ты не похожа на графиню.

- Без тебя знаю! - Алина вывернулась из его объятий. - Всю жизнь об этом только и слышу...

Она сунула руки в карманы, как делала всегда, желая позлить бабушку и маму, но те не злились, прощая дурные манеры. Понимали, что Алина - не со зла. Родилась просто такой вот... неудачненькой.

В школе смеялись. Из-за Дашки. Ей Алина рассказала по секрету а Дашка не сумела секрет сохранить. Ей хотелось, чтобы Алину уважали, но вышло хуже некуда.

Разве графини бывают такими? Толстыми, неуклюжими и тихими?

Нет, графиням полагается утонченность, легкость и возвышенность. Или хотя бы красота.

- Аль, ну ты чего? - Леха догнал на отмели. - Обиделась? Я ж живую графиню первый раз в жизни вижу!

Вот как ему объяснить? И бабушке? И маме, которая в общем-то и сама была из узкого круга достойных лиц, иначе бабушка в жизни не допустила бы свадьбы. Алинину же вот одобрила.

Свежая кровь...

- Леша, - не смотреть ему в глаза не выходит. И почему виноватый вид у Лехи, хотя за ним точно никакой вины нет. - Это бабушка у нас графиня. И мама. И папа. А я... я так, недоразумение.

- Дура ты, - совершенно искренне сказал Леха, сгребая Алину в охапку. - Но моя.

Смотреть на них было противно.

Но человек заставлял себя. Он зарисовывал в памяти каждый жест, отсчитывая незаконные прикосновения. Леха за все поплатится.

Сначала одну увел.

Теперь вот другую... и то, что именно Леха ее нашел, уже не имело значения. Человек отложил бинокль и перевел дыхание. Он зажал запястье, заставив себя считать удары сердца.

Раз-два-три.

Нельзя спешить.

Она испугается. Она не знает, что такое - настоящая любовь. И тянется к Лехе только потому, что больше никого рядом нет. Терпит его. Ждет. Наверняка подозревает, что истинный избранник рядом. И человек вновь берется за бинокль. В голову его приходит замечательная мысль: купить фотоаппарат. Такой, которым можно делать снимки издалека.

Так он соберет коллекцию. И сможет видеть ее лицо, даже когда ее нет рядом.

И потом, когда наступит момент, – а человек был уверен, что момент непременно наступит, – он подарит Алине рисунки ее жизни, показывая, сколь внимателен и бережен он был.

В машине Алина задремала. Наверное, совсем мало ночью спала. Нервничала, а еще Леха мешался. И вот что ему с ней делать? Все шло не так.

Он же знал, что девушка, похожая на Кару, будет другой. И заранее злился от этого. Куда вот подевалась злость? В реке утопла, как сказала бы Лехина мамаша. А потом еще и добавила б, что не хрен Лехе с его рылом в графья лезть. Только полоумные в озере луну ловят. И Леха так думал, но вот же, поймал на свою голову.

Если Алина узнает правду...

...рассказывать не обязательно. Можно просто увезти. Соврать чего-нибудь и увезти. Спрятать. Рим, Париж, Лондон. Или на Бали, там, говорят, хорошая погода. Мальдивы...

Вообще островок прикупить и запереть, спасая от последствий Лехиной дурости.

Не согласится. Точнее, сначала-то согласится, но всю жизнь на острове ее не удержишь. У нее же мама, папа, бабушка и кошка, что терлась о Лехину ногу, выпрашивая блин. А он кормил под столом, тайно, по-детски опасаясь быть пойманным строгой Вероникой Сергеевной.

Надо же, графиня... на кухне жарит блинчики.

А вторая шьет зайцев и устраивает свадьбы. Смех да и только.

А граф-профессор сидит на той же кухоньке и, свернув блин трубочкой, задумчиво его созерцает, как будто видит что-то особенное, Лехе непонятное. Разве бывает так?

Не бывает. И не будет.

Если они все узнают, то... старушка Леху зонтиком проткнет. Вероника Сергеевна подсыплет мышьяку в мясной рулет, а граф просто скажет, что Леха – сволочь последняя. Нет, нельзя говорить правду.

Надо все иначе решать.

И если Леха хорошенько постарается, то способ найдет.

– Аль, – Леха не отказал себе в удовольствии коснуться волос. Сегодня Алина заплела косу, которая получилась длинной и толстой. Леху подмывало стянуть резиночку. – Проснись. Приехали.

– Куда? – она сонно потерла глаза и зевнула до того заразительно, что у Лехи помимо воли челюсть на зевок поехала.

– Домой.

Алина огляделась, нахмурилась и сказала:

– Это не мой дом.

– Ага. Мой. Потом – наш, – Леха помог выбраться из машины. – Ну как тебе?

Алина разглядывала здание долго, потом вздохнула и ответила:

– Большой и... зачем башня?

– Ну так замок же.

Леха хотел, чтобы его дом был настоящим замком. Из сказки. Пусть ни рва, ни подъемного моста, но все остальное-то можно сделать. Стены каменные. Черепица нарядная. И флаг на крыше. Флюгер – конный рыцарь. И конечно, чтобы башня с балконом. Вот она-то от изначальной задумки и осталась. Прочее же... было странным.

Темное стекло и черные же ребра, выступающие, словно дом долго голодал. Хищный изгиб крыши и драконье крыло навеса, под которым расположился сад камней. Кадки с самшитом. И беседка из металлических труб. Леху долго убеждали, что дом – это квинтэссенция эго владельца и полноценное отражение статуса в форме. Он просил замок, но замки – это пошлость и простота. А вот сюрреалистическая композиция стилистических форм свидетельствует о мощном душевном кредо. В общем, замок построить не позволили. И Леха приспособился жить в нынешнем доме. Леха был неприхотлив.

– Идем, – он потащил Алину по дорожке, посыпанной чем-то мелким и сыпучим, что вечно попадало в ботинки, и каждый раз Леха давал себе слово, что замостит дорожки речным камнем. Но отходил и передумывал, точнее, не смел нарушать единство композиции.

Только у дверей Леха вспомнил, что Алина вряд ли привыкла, чтобы ее за руки хватали и куда-то тащили.

– Заходи, – он распахнул перед Алиной дверь и громко крикнул: – Есть кто дома?

– Добрый день, Алексей Петрович, – в холле домоправительница пыталась освободить от пыли творение современного и, как убедили Леху, безумно популярного скульптора. «Платформа № 5» была столь высоко аллегорична и глубоко интеллектуальна, что Леха опасался лишней раз к ней подходить. Виделось ему в извивах металла нечто недоброе. И стальные штыри с красными шариками – словно головы на копья насажены – не добавляли симпатии. Пожалуй, Леха и вовсе выкинул бы эту самую «Платформу», но обошлась та недешево, да и негоже подобным образом с предметами искусства обходиться.

– Алина, знакомься. Это – Мария, можно тетя Маша. Она тут за порядком следит. И за домом. И вообще за всем.

Как обычно, Лехе было неудобно, что чужой человек, пусть бы даже такой хороший, как тетя Маша, следит за порядком в его доме. Но сам Леха был категорически не способен этот самый порядок поддерживать. Да и свыкся он с тетей Машей.

Хорошая она.

Жаль, что Кара этого не понимала.

Кара требовала уволить Марию и нанять высококвалифицированную экономку, а еще тайских горничных, шофера... много кого. Шофера Леха нанял, а вот тетю Машу обижать не позволил.

– Теть Маш, это Алина. Моя невеста, – говорить это было приятно, и Леха повторил про себя.

Тетя Маша нахмурилась. И на Алину она посмотрела с неодобрением. Подозрительно так посмотрела.

– Здравствуйте, – сказала Алина.

– И вот мало вам было, Алексей Петрович! – Мария переложила тряпку из руки в руку, а руки уперла в бока. – Мало! Снова себе приключения ищете?

Аля вздохнула: неуютно ей было в роли приключения. Надо будет объяснить тете Маше, что Алина – другая и что не надо бы ее обижать зазря.

– А вам тут посылку принесли, – Мария удалилась, чтобы вернуться с белой коробкой, перевязанной крест-накрест скотчем.

– От кого?

Обратный адрес был Лехе неизвестен. «Тропическая радость»? Что за фигня?

– Сказали, подарок.

К незнакомым подаркам Леха по жизни относился с немалым подозрением и коробку решил было отправить в мусорное ведро, но после передумал: не хватало, чтобы Алина его трусом сочла. Он вспорол ключом клейкую ленту и крышку содрал, пытаясь попутно отделаться от внутреннего голоса, который твердил, что Леха поступает глупо. Но ничего не произошло. Не было внутри ни бомб, ни отрезанных пальцев, но только живые бабочки. Стоило Лехе сунуть руку в коробку, и бабочки, сидевшие смирно, выпорхнули, пронеслись вихрем сквозь неуклюжие Лехины пальцы. Охнула Алина. Выругалась Мария. Леха же

перевернул коробку. На подставленную ладонь выпала рамка. Под стеклом тоже были бабочки: белая и черная, позитив и негатив, разделенные красной нитью. С обратной стороны разноцветные буквы, верно вырезанные из детской книги, складывались в слова.

«Она тебя не любит».

В этом Леха не сомневался. Но ведь полюбит... наверное... если не узнает правду. А узнает – не простит.

– Какая прелесть, – бабочка сидела на Алининой ладони, лениво шевеля крыльями. – Ты только посмотри!

– Ага, – Леха сунул рамку в коробку, а коробку – тете Маше, которая поняла все без слов. – Прелесть. Офигительная. Пойдем, я лучше тебе дом покажу.

Алина видела, что ей не рады. Даже не видела – ощущала кожей, которая болезненно вспыхивала, реагируя на раздраженный взгляд домохозяйки. Седовласая женщина – назвать ее старухой у Алины язык не поворачивался – с волосами, стянутыми в пучок, видела Алину насквозь. И Алина ей не нравилась. Бабочки, впрочем, тоже, но по какой-то другой причине, пока Алине неизвестной. Эта причина заставляла Леху хмуриться и тереть подбородок с самым свирепым видом. Он рассматривал что-то – фотографию? рисунок? – что лежало в коробке, и злился. А потом незаметно – так ему казалось – спрятал этот предмет. И Мария, верная пособница хозяина, поспешила унести коробку, словно опасалась, что Алина сунется смотреть. Ей, конечно, любопытно, но не до такой же степени! И вообще, Алина отдает себе отчет, что у Лехи своя жизнь, свои дела и свои секреты, ее не касающиеся.

Она бы объяснила, но Леха не желал объяснений. Он упрямо тащил ее прочь от бабочек.

– Тут зала... и тут зала... и еще одна...

Комнаты были подавляюще одинаковыми. По форме. Размеру. Содержанию. Черное. Красное и золотое. Менялись пропорции, но не цвета.

- И как тебе хата? - Леха выпустил Алинину руку.

Они стояли в узкой длинной комнате с зеркальной стеной, разрисованной рыбинами. В зеркале отражался кусок сада и легкие шторы на окнах. Их движение рождало пляску теней, и казалось, что рыбы движутся.

Жуть просто.

Но Леху нельзя обидеть.

- Очень... всего много, - вот не умела Алина врать. Ей бы восхититься, но это обилие черного и красного подавляло. - А тебе самому нравится?

- Ну... - Леха сразу как-то и сник. - Оно... это... концептуальное. И выдержанное...

- Леш, - тронув рыбку, Алина убедилась, что та все-таки нарисована. - То есть тебе не нравится?

- Не знаю.

- Тебе здесь уютно?

Иногда он похож на ребенка. Большого такого ребенка, попавшего во взрослый мир и пытающегося притвориться тоже взрослым.

- Нет? Тогда зачем ты позволил это сделать?

Алина ни на секунду не усомнилась, что всю эту красно-черноту придумал не Леха.

- Сказали, что так надо. Дизайнер был. С дипломом. И вообще, я тебя тут жить не зову!

Это Алина и без него понимала. Месяц? Месяц она продержится, глядишь, и драконообразный Лехин дом не успеет ее переварить. А остальное - не

Алининого ума дела. Ей бы молчать, глядишь, за умную сошла бы. Нет же, надо было лезть с вопросами, советами...

– Извини, – Алина спрятала руки, хотя бабушка всегда говорила, что это – невербальный признак замкнутости и надо бы с ним бороться. – Я... пожалуй, пойду.

Мама, наверное, волнуется. Она делает вид, что счастлива за дочь, а на самом деле рассказывает бабушке, насколько Алина безответственно поступила. И что поспешная свадьба – это слишком. А бабушка успокаивает, приводя примеры других поспешных свадеб, после которых муж и жена жили долго и счастливо. Не беда, что примеры все больше из прошлого... надо ведь надеяться на лучшее.

Когда дело касается Алины, только и остается, что надеяться.

Дойти до двери ей не позволили.

– Стоять, – рявкнул Леха, и голос его был таков, что стекла задрожали. Алина и вовсе замерла. – Ты... извини. Пожалуйста.

Оказывается, когда хотел, Леха двигался ну очень быстро. Он вдруг оказался сзади и, развернув Алину, толкнул ее на низкий диванчик. Сам сел рядом и повторил:

– Извини.

– Это мне извиняться надо. Пришла в твой дом, и... бабушка говорит, что у меня нет чувства такта.

И чувства ритма, и слуха, и вообще, кажется, ничего, чему полагалось бы быть.

– Оно совсем никак? Только, чур, честно.

Чтобы он снова обиделся?

– Леша, оно тебе... не подходит. Ну мне так кажется. А тебе здесь не нравится. Почему ты терпишь?

И бабочек боишься.

- Ну... - он покосился, точно проверяя, не смеются ли над ним. - У меня вкуса нет. А тут человек солидный. С рекомендациями.

И нереализованными желаниями, которые он реализовал за Лехин счет.

- Леша, - Алина удержалась-таки от прикосновения. - Почему у тебя нет вкуса? Он у всех есть. Только разный. И здесь живешь ты, а не тот человек с рекомендациями.

- Ты прикольная, - улыбка у него замечательная.

Нельзя привязываться. Месяц ведь рано или поздно закончится, и как потом Алине жить? Поэтому нельзя... но очень хочется.

Ее переезд был скучен. Луиза Мадлен сама собирала вещи, причитая, что наряды Жанны недостаточно роскошны и изысканны для того общества, в котором ей отныне предстоит бывать, что сама она выглядит простовато, и лишь усилия такого замечательного человека, каким, несомненно, является д'Этоль, способны сотворить чудо.

Ее поселили в весьма скромной комнатухе, окна которой выходили на скучное серое строение, объяснив, что большего пока Жанна не заслуживает. И против ожидания, д'Этоль не спешил выводить ее из этой комнатухи. Вновь появились учителя.

Манеры.

Речь.

И актерское мастерство.

Жанне неожиданно понравилось перевоплощаться. Она становилась не собой и в чужих личинах чувствовала себя куда как свободнее, нежели в собственном

теле.

Греческая одалиска... турчанка... французская пастушка с увитым плющом посохом... она заучивала образы с рвением, которое удостоивалось похвалы. И сам д'Этоль, следивший за Жанной издали, однажды снизошел до того, чтобы сказать:

- Ваше усердие убеждает меня, что я сделал верный выбор.

- Я счастлива услужить вам, - ответила ему Жанна со всем смирением.

Если судьба ее отныне в руках этого человека - в ближайшем рассмотрении он не сделался хоть сколь бы то ни было приятен, - то Жанне надлежит вызвать у него симпатию к своей особе.

- Молодец, - д'Этоль погладил Жанну по щеке.

Спустя неделю состоялась первая прогулка Жанны.

Ее усадили в легкую коляску, вручив зонтик от солнца и велев прикрывать им лицо.

- Король любит загадки, - так пояснил д'Этоль, который лично следил за тем, как Жанну наряжали. - Его следует дразнить. Недоговаривать.

Жанна запомнила.

На этот раз она видела короля издали и не сумела рассмотреть. В пестрой свите сложно было угадать, кто из этих нарядных, уверенных в собственной исключительности людей истинный король.

Охотники пронеслись, не удостоив Жанну взглядом.

И лай собак затих вдали.

Жанна испытала нечто сродни разочарованию. Она ведь так готовилась и... ее не заметили. Просто-напросто не заметили!

– А ты чего хотела? – д’Этоль был привычно груб. – При дворе множество женщин, и каждая мечтает стать его любовницей. Еще одна красавица не привлечет его внимания. Сразу.

И Жанна повторила попытку... снова и снова, благодаря прозорливости д’Этоля, его обширнейшим связям и умениям, она оказывалась на пути королевского кортежа.

Однажды Жанна удостоилась нескольких слов, брошенных вскользь, вежливых, но и это уже давало надежду... если он заговорит снова, то Жанна сумеет найти достойный ответ. Король любит, когда его дразнят?

Но не выносит, когда задевают самолюбие?

О, Жанна постарается его задеть. И тогда Людовик наконец увидит ее... бабочку увидит.

Признаться, сам король не произвел на Жанну особого впечатления. Был ли он красив, как о том твердили? Она сомневалась. Пожалуй, что когда-то и был... но слишком вольную жизнь он вел, что не могло не сказаться на обличье.

Пристрастие к вину и забавам сделало его лицо одутловатым. Рот был чересчур велик, а нос – по-королевски горбат. Нижняя губа выдавалась вперед, придавая лицу надменное выражение. Под подбородком наметились складки. А вот фигура сохраняла прежнюю стать во многом благодаря увлечению Людовика охотой и верховой ездой. Однако каким-то отрешенным взглядом, прежде ей не свойственным, Жанна прозревала, что спустя годы он станет рыхл, неуклюж и некрасив.

И все равно будет любим.

Он ведь король.

А ей было обещано стать его фавориткой.

Впрочем, судьба никогда и ничего не давала просто так.

Дурные вести принес д'Этоль. Он появился в комнате Жанны, непривычно злой и не скрывающий своего раздражения. Выставив прочь служанок, он поглядел на Жанну выпуклыми глазами и произнес:

- Тебе запрещено появляться там, где Их Величество проводят время.

- Но почему?

- Потому что эта старая тварь Шатору боится тебя. Он уже спрашивал о том, кто ты такая. И этот интерес не остался незамеченным.

- И что мне теперь делать?

Жанна вдруг осознала, что вся ее игра, долгая, поглотившая и саму Жанну, и д'Этоля, и других людей, ей помогавших, окончена. Вот так просто... взять и запретить.

Матушка огорчится.

А Норман, пожалуй, будет рад...

- Ждать, - сказал д'Этоль. - И сходить замуж. В твоём возрасте неприлично дальше в девицах оставаться.

- Но за кого?

Она была уверена, что старик точно знает имя будущего мужа, и тот не подвел:

- За моего сына. Норман не будет против.

Пожалуй, это тоже можно было считать успехом при дворе...

Остановившись перед домом, человек помнил первую встречу с Карой. Яблоневый сад. Приземистые разлапистые деревья, ветви которых изгибались под тяжестью плодов. Веревка и шина, подвешенная вместо обычных качелей. Смуглая девчонка с ободранными коленями. На левом еще держится лист подорожника. Девчонка взобралась на шину с ногами и, вцепившись в веревку, приседала. Но вес ее был слишком ничтожен, чтобы заставить шину раскачиваться.

- Помогай! – приказала она. Как было не исполнить? Никто и никогда ему не приказывал.

- Ты кто? – спросил он, толкая тяжеленное колесо, которое норовило закрутиться и ударить его по рукам.

- А ты? – Кара смотрела сверху вниз, тогда – еще без пренебрежения.

- Я... – он назвал свое имя, но Кара отмахнулась.

- Ерунда. Тебя не так зовут.

- А как?

- Сэр Ланселот! – возвестила она, касаясь ногой плеча. На белой его рубашке остался пыльный отпечаток ступни. И ему подумалось, что хорошие девочки так не поступают.

Мысль была правильной: Кару никак нельзя было отнести к хорошим девочкам.

- Хватит, – она вновь говорила тоном, не терпящим пререканий. – Останови.

Ему пришлось повиснуть на шине, прижимая грязное колесо к груди, упираясь ногами в землю.

- И руку подай. Рыцарь всегда подает прекрасной даме руку. Я читала.

Она все равно была выше его, на полголовы.

– Так кто ты? – он схватил ее за руку с намерением проучить наглуую девчонку.

– Я – королева! Но ты можешь называть меня Карой.

И он ей поверил, хотя совершенно точно знал, что королевы – они другие. Мама показывала в книге, но Карина уверенность передалась и ему.

– Будешь служить мне? – она глядела в глаза, не мигая, с вызовом и в то же время – мольбой. – Любой королеве нужен верный рыцарь, сэра Ланселот.

С того самого дня она называла его только так. И проклятье, он гордился тем, что рыцарь.

Королева жила на окраине деревни в грязном домишке, на заборе которого постоянно что-то сохло – покрывала, полотенца, цветастые тряпки. За забором трава подымалась выше колена, до узких подоконников, до кривоватых окон и выше. Дикий виноград взобрался на крышу, обхватив домишко тяжелыми лапами плетей.

– Дом заколдован, – уверяла Кара и, вцепившись в руку, тащила за собой к сараю. В гнилой соломе мыши свили гнездо. А если взобраться на стропила – сэра Ланселот ведь не испугается падения? – то можно посмотреть на птенцов ласточки.

Мама была в ужасе от этих забав.

Мама строго-настрога запретила приближаться к безумной девчонке, у которой «ветер в голове гуляет».

Сэр Ланселот служил не маме, но лишь своей королеве. Он не подведет ее, правда?

Мама приходила к дому, кричала, требуя от «мерзкой старухи» повлиять на свое отродье. А Кара, взобравшись на крышу, плясала, хохотала и кидала в маму зелеными виноградинами.

Отец, невзирая на принадлежность к рыцарскому роду, данную Карой заочно, вытащил из кладовой ремень. Сэра Ланселота никогда не били. И от обиды, разрывавшей душу, он сбежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lesina_ekaterina/babochka-markizy-pompadur

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)